

== ЧЕРНИГОВСКАЯ ==

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ пересылкою.

№ 12

Подписка принимается въ редакціи „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій“, въ зданіи Черниговской Духовной Семинаріи.

15 Іюня (годъ xxiv). 1884 года.

Содержаніе: I. Высочайшій Манифестъ. — II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — III. Разныя извѣстія. — IV. Объявленіе.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Любезнѣйшій Братъ Нашъ Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Сергѣй Александровичъ, съ согласія Нашего, вступилъ въ бракъ съ Дочерью Владѣ-

тельнаго Великаго Герцога Гессенскаго, Принцессою Елисаветою и въ 3-й день сего іюня торжественно совершенно въ Нашемъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ соборной церкви Зимняго Дворца, по уставамъ Нашей Православной Церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Сергѣя Александровича именовать Великою Княгинею Елисаветою Θεодоровною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединять теплыя мольбы ихъ съ Нашими ко Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постоянного, неизблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 3-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, Царствования же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Черниговская Духовная Консисторія слушала отношеніе С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества на имя Его Преосвященства, отъ 23 прошлаго Апрѣля за № 1180, слѣдующаго содержанія: изъ прилагаемой копии съ опредѣленія Св. Синода отъ 21—29 Декабря 1883 года за № 2670, Ваше Пре-

освященство изволите усмотрѣть что, по ходатайству Славянскаго Общества, Св. Синоду угодно было разрѣшить Обществу производить въ православныхъ церквахъ кружечный сборъ, въ пользу нуждающихся Славянъ, съ тѣмъ, чтобы Общество смотрѣло за цѣлостію сборныхъ кружекъ и находящихся въ ихъ суммъ. Совѣтъ Общества, неимѣя возможности разставить сборныя кружки для означенной цѣли въ церквахъ ввѣренной вамъ епархіи, при посредствѣ своихъ членовъ и слѣдить, чрезъ нихъ же за цѣлостію сборныхъ кружекъ и находящихся въ нихъ суммъ позволяеть себѣ обратиться къ Вашему Преосвященству съ почтительнѣйшею просьбою — неизволите ли Вы признать возможнымъ пригласить отцевъ благочинныхъ ввѣренной Вамъ епархіи взять на себя трудъ предложить подвѣдомственнымъ имъ Настоятелямъ православныхъ церквей: 1) заготовить и поставить въ церквахъ, за замкомъ и церковною печатью, на счетъ Славянскаго Общества, металлическія кружки для сбора пожертвованій съ надписью „нуждающимся Славянамъ“ или же сдѣлать эту надпись на прежде поставленныхъ кружкахъ для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ въ босніи, Герцоговинѣ и болгаріи; издержки на покрытіе расходовъ по постройкѣ кружекъ могли-бы быть возмѣщены изъ пожертвованій, имѣющихъ поступить въ кружки въ теченіе перваго полугодія или же цѣлаго года; 2) по усмотрѣнію настоятелей церквей, обносить эти кружки во время

богослуженія; 3) высыпать изъ кружекъ по истеченіи
каждаго полугодія, съ первыхъ числахъ Января и
Юля собранныя въ нихъ деньги, въ присутствіи причта
съ составленіемъ акта о времени вскрытія кружки
и найденныхъ въ оной пожертвованіяхъ; 4) достав-
лять вмѣстѣ съ актомъ собранныя въ кружку деньги
отцамъ благочиннымъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе от-
сылали и деньги и акты или самы или же чрезъ
посредство мѣстной Духовной Консисторіи въ Совѣтъ
С.-П. Б. Славянскаго благотворительнаго Общества,
по указанному выше адресу. Совѣтъ Общества счита-
етъ излишнимъ объяснять при этомъ, что судьба
нашихъ соплеменныхъ братьевъ, Славянъ, заслужи-
ваетъ всякаго участія и поддерживается единственно
христіанскою помощью сыновъ православной Россіи.
На семъ отношеніи резолюція Его Преосвященства
29 минувшаго Апрѣля послѣдовала: «измѣнять рас-
поряженія Св. Синода я не могу; сборныя кружки по
церквамъ — поставить и деньги, собранныя въ нихъ въ
теченіи года представить въ Консисторію которая въ свою
очередь представитъ таковыя въ славянское благотвори-
тельное общество». Опредѣлили: Во исполненіе Архипас-
тырской резолюціи Его Преосвященства предписать чрезъ
Черниговскія Епархіальныя Извѣстія: Каѳедральному
Собору, благочиннымъ Черниговской епархіи, а также
настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, чтобы
они въ подвѣдомыхъ имъ церквахъ и монастыряхъ
выставили кружки въ пользу нуждающихся славянъ

и сборъ поступившій въ тѣ кружки въ теченіи года представляли въ консисторію для отсылки въ славянское благотворительное общество; копію же съ опредѣленія Святѣйшаго Синода приложенную при настоящемъ отношеніи препроводить въ редакцію Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій для припечатанія къ должному исполненію подвѣдомственными мѣстами и лицами.

Копія съ опредѣленія Св. Синода отъ 21 29 декабря 1883 года за № 2670, о выставленіи въ церквахъ кружекъ для сбора пожертвованій въ пользу нуждающихся славянъ, присланная при отношеніи С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества отъ 23 апрѣля сего года за № 1180. Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, о разрѣшеніи сему обществу выставять въ церквахъ кружки для сбора пожертвованій въ пользу нуждающихся славянъ, взаимѣнъ дозволеннаго въ 1875 году Св. Синодомъ и непрекратившагося до сихъ поръ тарелочнаго въ церквахъ сбора въ пользу жертвъ возстанія въ босніи и герцоговинѣ и, по справкѣ приказали: принимая во вниманіе, что С.-Петербургское славянское благотворительное общество имѣеть главною своею цѣлію оказывать поддержку единоплеменнымъ и единовѣрнымъ съ нами славянамъ въ духовно-религіозныхъ ихъ нуждахъ и что для удовлетворенія сихъ нуждъ общество и испрашиваетъ кружечный въ церквахъ

сборъ, Св. Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить С.-Петербуржскому славянскому благотворительному обществу, согласно изъясненному его ходатайству, выставлать въ церквахъ кружки для сбора пожертвованій въ пользу нуждающихся славянъ, но съ тѣмъ условіемъ; что бы таковыя кружки поставляемы были съ дозволенія настоятелей церквей и на указанныхъ ими мѣстахъ и что бы на самомъ обществѣ лежала обязанность смотрѣть за цѣлостію означенныхъ кружекъ и находящихся въ нихъ суммъ. О чемъ и дать знать по духовному, вѣдомству для зависящихъ распоряженій, чрезъ напечатаніе настоящаго опредѣленія въ официальной части журнала: „Церковный Вѣстникъ.“ На этой копіи съ опредѣленія Св. Синода, резолюція Его Преосвященства 29 минувшаго апрѣля послѣдовала. „Напечатать въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ“.

Опредѣленіемъ Черниговской духовной Консисторіи, Его Преосвященствомъ 23 Мая 1884 года утвержденнымъ, постановлено: по случаю упраздненія въ посадѣ Воронкѣ, Стародубскаго уѣзда, приходской Благовѣщенской церкви, по ея совершенной ветхости, именовать Воронковскій приходъ, по имени оставшейся приходской церкви, — Рождество-Богородичнымъ.

Черниговское епархіальное начальство изъясняетъ искреннюю благодарность Его Сіятельству, Графу

Петру Алексѣвичу Капнистѣ и Его Превосходительству, Прокурору Харьковской Судебной Палаты Игнатію Платоновичу Закревскому, за попечительную заботливость и пожертвованія по устройству народнаго училища и квартиръ для учителей въ селѣ Казиловкѣ, Сосницкаго уѣзда.

Черниговское епархіальное начальство объявляетъ благодарность приходскому попечительству Успенской церкви м. Седнева, за усердную его заботливость по устройству при своей церкви каменной колокольни.

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

На псаломщицкое мѣсто къ церкви с. Хоромнаго, Новозыбковскаго уѣзда, 24 Мая, опредѣленъ сынъ причетника Иванъ Лаврусевичъ.

-- И. д. псаломщика Вознесенской Коропской церкви, Кролевецкаго уѣзда, Николай Ульковскій, перемѣщенъ къ церкви с. Уздицы, Глуховскаго уѣзда; а на его мѣсто къ Коропской Вознесенской церкви, 26 Мая, перемѣщенъ и. д. псаломщика Покровской церкви с. Козла, Черниговскаго уѣзда, Иванъ Бережецкій.

— 14 Мая сего года умеръ заштатный священникъ с. Евлашовки, Борзенскаго уѣзда, Димитрій Кушакевичъ.

— Сверхштатный причетникъ с. Козла Покровской церкви Черниговскаго уѣзда, Феодоръ Баранъ, 30 Мая,

опредѣленъ штатнымъ и. д. псаломщика при той же церкви.

— И. д. псаломщика с. Локнистаго, Черниговскаго уѣзда, Василій Юницкій, 25 Мая, уволенъ за штатъ, а на мѣсто его опредѣленъ сынъ его Иванъ Юницкій.

— Священникъ церкви Нѣжинскихъ Богоугодныхъ заведеній Митрофанъ Затворницкій, 31 Мая, перемѣщенъ къ Богоявленской церкви г. Нѣжина.

— Священникъ с. Борокъ, Остерскаго уѣзда, Александръ Имшенецкій, 1 сего Іюня, перемѣщенъ къ Нѣжинско-Богоугодно-заведенской церкви, въ приходѣ церкви с. Борокъ душъ м. п. 802, земли 42 дес., домъ церковный.

— 27 прошлаго Мая рукоположенъ во священника къ церкви с. Сальнаго, Нѣжинскаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи Николай Самбурскій.

— На псаломщицкое мѣсто при церкви с. Ширяевки, Суражскаго уѣзда, 3 Іюня, опредѣленъ сынъ причетника Иванъ Чернявскій.

— Священническое мѣсто при единовѣрческой церкви п. Лужковъ, Стародубскаго уѣзда, 5 Іюня, предоставлено сыну священника Ивану Шаблинскому.

— Псаломщицкое мѣсто при церкви с. Петрушина, Черниговскаго уѣзда, 5 Іюня, предоставлено сыну причетника Семену Тернавскому.

Въ прежде открытыя попечительства избраны, на три года при: 1) Свято-Духовской села Старого-Бѣлоуса, Черниговскаго уѣзда, предсѣдателемъ.—Штабсъ-Капитанъ Навель Григорьевъ Березовскій; членами: коллежскій секретарь Викторъ Осиповъ Силичь, коллежскій совѣтникъ Николай Филипповъ Дуровъ, дворянинъ Александръ Артемовъ Тупица и дворянка Надежда Дмитриева Рейхъ-Топольницкая, козаки: Михаилъ Ещенко и Филиппъ Ещенко, Казенные крестьяне: Василій Бирюкъ, Владиміръ Нехай, Маркелль Федосовъ, Григорій Федорченко, Феодоръ Федорченко, Самсонъ Вѣнигъ и крестьянинъ-собственникъ Романъ Сидоренко. 2) Николаевской слободы Андрейковичъ, Стародубскаго уѣзда, предсѣдателемъ— собственникъ Терентій Землянка; членами-собственники: Иванъ Іереміинъ Краснопольскій, Моисей Петровъ Ляхъ, Меркурій Ивановъ Воронинъ, Терентій Ивановъ Землянка, Мина Федосовъ Гунаръ и козакъ Корнилій Павловъ Сахонновъ. 3) Михайловской села Жоведи, Городницкаго уѣзда, предсѣдателемъ--дворянинъ Аполлонъ Игнатьевъ Пащенко; членами— крестьяне-собственники: Малахій Федоровъ Безбородько, Стефанъ Игнатьевъ Гончаренко, Артемій Лазаревъ Ступачъ, Харитонъ Игнатьевъ Гончаренко Иванъ Климентіевъ Крючка, Иванъ Ивановъ Орѣшко, Григорій Саввинъ Пятьченко, Яковъ Федоровъ Шило, Стефанъ Ивановъ Лойченко, Игнатій Евстафіевъ Гончаренко, Дементій Дорофѣевъ Марухленко, Игнатій Никитинъ Бондаръ, Симеонъ Аврамовъ

Божичъ, Андрей Ивановъ Безбородько, Никита Исидоровъ Самодѣлъ и Тимофѣй Никифоровъ Калачникъ. 4) Покровской села Лавъ, Сосницкаго уѣзда, председателемъ—козакъ Андрей Кириенко; членами—дворяне: Иванъ Розумѣнко, Михаилъ Розумѣнко и Иванъ Кротъ; козаки: Никифоръ Кириенко, Петръ Кошевый, Даниилъ Кошевый, Иванъ Кошевый, Кирилль Бойко, Маркъ Кашевый, Антонъ Розумѣнко, Филиппъ Куца, Филимонъ Повѣряка, Андрей Орличенко и Теодоръ Моисеенко; 5) Успенской села Шатрищъ председателемъ—казенный крестьянинъ Іоаннъ Андреевъ Упировъ; членами—казенные крестьяне: Матѳей Луговскій, Игнатій Стариковъ, Іоаннъ Носыкъ, Лука Шатровъ; козаки: Кирилль Литвиновъ, Павелъ Петысъ и казенный крестьянинъ Илья Пайровка. 6) Михайловской того-же села, Новгородсѣверскаго уѣзда, председателемъ—мѣщанинъ Андрей Григорьевъ Вашура; членами—казенные крестьяне: Трофимъ Бодилевскій, Флоръ Бодилевскій, козаки: Левъ Олейникъ, Трофимъ Осійковъ и Тимофѣй Александренко. 7) Троицкой села Данины, Нѣжинскаго уѣзда, председателемъ—крестьянинъ - собственникъ Антонъ Стефановъ Авраменко; членами—крестьяне собственники: Никифоръ Дворскій, Симеонъ Мазговый, Гаврииль Яновскій, Симеонъ Примушка, Евдокимъ Холявка, Авраамъ Гаріишъ и Антонъ Литвинъ. 8) Рождество-Богородичной села Воргла, Глуховскаго уѣзда, председателемъ—подпоручикъ Петръ Алексѣевъ Храпачевъ;

членами—козаки: Аксентій Васильевъ Высоцкій, Макарій Михайловъ Медвѣдь, Онисимъ Яковлевъ Москаленко и Наумъ Пантелеймоновъ Медвѣдь; крестьяне собственники: Иванъ Власіевъ Деркачь, Спиридонъ Никитинъ Грицунъ, Василій Трофимовъ Фанащенко и унтеръофицеры: Осипъ Потапьевъ Кизименко и Павелъ Онисимовъ Москаленко. 9) Воскресенской м. Ични, председателемъ—купецъ Михаилъ Васильевъ Масловъ; членами—купцы: Θεодоръ Платоновъ Кисловскій, Иванъ Васильевъ Масловъ и Афанасій Ивановъ Загнѣевъ; мѣщане: Матвѣй Стефановъ Балута и Петръ Даміановъ Немченко; собственники: Θεодоръ и Василій Иосифовичи Гущенко и Димитрій Вавиловъ Гущенко и козаки: Даніиль Васильевъ Балабай, Θεодоръ Стефановичъ Довбня, Θεодоръ Петровичъ Кикоть, Валеріанъ Ивановичъ Бова, Петръ Павловъ Войташевскій и Михаилъ Андреевъ Омельченко. 10) Покровской села Красностава, Борзенскаго уѣзда, председателемъ—казенный крестьянинъ Иванъ Лукинъ Перепечай; членами: отставной солдатъ Стефанъ Даниловъ Кривошей и козаки: Леонтій Емельяновъ Кривошей, Захарій Захаріевъ Кривошей, Тить Ефимовъ Набокъ, Илларионъ Акимовъ Горбоносъ, Иванъ Никитинъ Горбоносъ, Димитрій Григоріевъ Пилипенко, Лука Петровъ Пилипенко, Моисей Терентіевъ Перепечай и Василій Николаевъ Горбоносъ. 11) Кресто-Воздвиженской села Воробьевки, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, председателемъ—крестьянинъ-собственникъ Иванъ Во-

робей; членами—крестьяне собственники: Варооломей Рыкуцкій, Моисей Федотовъ, Малахій Чернякъ, Даміанъ Литвякъ, Азарій Литвякъ, Кондратъ Бездѣтко, Леонтій Михайловъ Мотузъ, Иларіонъ Чернякъ, Симеонъ Сморчокъ, Арефа Слюнько, Михей Ромусъ, отставной солдатъ Евграфъ Демиденко и унтеръ-офицеръ Максимъ Федотовъ. 12) Троицкой села Кистра, Стародубскаго уѣзда, предсѣдателемъ—козакъ Іаковъ Аонасіевъ Ладнюкъ; членами—государственный крестьянинъ Моисей Ивановъ Завацкій, козаки: Созонтъ Романовъ Феськовъ, Емельянъ Григоріевъ Лысакъ, Семень Львовъ Ладнюкъ, Сергій Антоновъ Запорожець и крестьянинъ собственникъ Семень Варооломѣевъ Чечотка. 13) Рождество Богородичной села Красиловки, Борзенскаго уѣзда, предсѣдателемъ—мѣщанинъ Теодоръ Ивановъ Батеха; членами—козаки: Теодоръ Носелевскій, Левъ Кочерга, Антонъ Игнатко и крестьяне собственники: Сергій Мостюпанъ и Герасимъ Сайко. 14) Успенской села Уланова, Глуховскаго уѣзда, предсѣдателемъ—козакъ Елисей Сергіевъ Ежилъ; членами—козаки: Іаковъ Іоановичъ Давиденко и Георгій Даниловъ Климченко; казенные крестьяне: Григорій Григоріевъ Химичъ, Евдокимъ Емельяновъ Рыбальченко, Павелъ Ивановъ Приваль, Павелъ Дмитріевъ Максименко, Никита Дмитріевъ Лагута, Архипъ Кондратовъ Конюховъ и Симеонъ Евфимовъ Толкачевъ. 15) Преображенской—села Церковища, Городницкаго уѣзда, предсѣдателемъ—гражданинъ Иванъ

Волковичъ; членами — козаки: Михаилъ Соловей, Федоръ Соловей, Мина Велигорскій, Петръ Велигорскій, крестьяне: Даніиль Ющенко, Игнатій Хвостъ, Власій Волковъ, Симеонъ Приходько, Зиновій, Литвиненко, Косьма Угликъ и Федоръ Плъспивый; солдаты: Леонтій Науменко, Исидоръ Соловей и Евсевій Соловей.

Получены въ консисторіи деньги: а) на выписку устава духовныхъ консисторій — отъ благочинныхъ: Киселевича 8 р. 80 к., Скорины 6 р., Мироненка 6 р., Вишневецаго 5 р. 60 к., Тупотилова 7 р. и настоятеля Новгородсѣверскаго монастыря архимандрита Сергія 80 к., Митькевича 9 р., Золотова 6 р., Левицкаго 6 р. 15 к., Добрянскаго 6 р., Имшенецкаго 8 р., Томашевскаго 5 р. 20 к., Бывалькевича 8 р., 70 к., Сочавы 3 р. 62 к., Томашевскаго 7 р., и Виноградскаго 6 р. 40 к.

По опредѣленію епархіальнаго попечительства, назначены постоянныя пособія: 1) вдовѣ пономаря села Великой-Тонали Агрипинѣ Серапиновой 88 руб. въ годъ, съ 1 Января 1884 года. 2) вдовѣ дьячка м. Семеновки Даріи Макаревской, къ получаемому ею пособию 8 руб. въ годъ, прибавлено еще 8 руб. съ 1 Юля 1883 года, по болѣзненному состоянію сына ея Іосифа. 3) Вдовѣ священника Евфросиніи Николь-

ской съ дочерью ея Агафіею 16 руб. въ годъ, съ 1
 Іюля 1883 года. 4) Заштатному испр. должн. псалом-
 щика м. Гринева Матвѣю Петровскому съ женою его
 Маріею 16 руб. въ годъ, съ 1 Іюля 1883 года. 5) За-
 штатному дьячку Григорію Барановичу къ пособію
 8 руб. прибавлено еще 7 руб.

IV. ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Государственнаго Банка.

Государственный банкъ имѣетъ честь довести до
 свѣдѣнія публики, что по произведенному въ прав-
 леніи банка 8 мая 1884 г. тиражу государственныхъ
 5% банковыхъ билетовъ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА 1869
 г., 2-го ДЕСЯТИЛѢТІЯ, 5-го тиража, назначены къ
 погашенію нижеслѣдующіе билеты.

100 руб. достоин.	19,101 по 19,150
МЕ бил. включит.	21,201 — 21,250
съ 1,501 по 1,550	22,751 — 22,800
6,801 — 6,850	26,451 — 26,500
8,851 — 8,900	27,551 — 27,600
9,601 — 9,650	29,051 — 29,100
12,351 — 12,400	33,101 — 33,150
13,501 — 13,550	35,951 — 36,000
17,551 — 17,600	37,651 — 37,700
18,201 — 18,250	38,351 — 38,400

38,901 по 38,950	756 по 760
39,351 — 39,400	871 — 875
40,001 — 40,050	1,661 — 1,665
42,451 — 42,500	1,771 — 1,775
42,901 — 42,950	1,851 — 1,855
45,751 — 45,800	2,096 — 2,100
48,451 — 48,500	2,156 — 2,160
58,151 — 58,200	2,586 — 2,590
60,601 — 60,650	2,641 — 2,645
62,101 — 62,150	2,786 — 2,790
65,801 — 65,850	
65,851 — 65,900	5,000 р. достоин.
70,351 — 70,400	№№ бил.
500 р. достоин.	81
№№ бил. вклучит.	105
съ 591 по 600	180
1,571 — 1,580	217
1,751 — 1,760	224
2,031 — 2,040	256
2,111 — 2,120	257
2,861 — 2,870	275
1,000 р. достоин.	568
№№ бил. вклучит.	648
съ 476 по 480	682

Всего на сумму 295,000 р.

По вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, капиталъ и проценты по купону на срокъ 1 ноября 1884 г., по

положенію о сихъ билетахъ, будутъ выплачиваться съ 1 ноября 1884 г. въ банкѣ, конторахъ и отдѣленіяхъ его. Желаящіе же получить уплату по билетамъ ранѣе показаннаго выше срока 1 ноября, могутъ предъявлять для сего принадлежащіе имъ билеты въ банкѣ, конторы, и отдѣленія его и ранѣе 1 ноября, причемъ если билеты предъявлены до 1 октября, то проценты по купону на срокъ 1 ноября 1884 г. выдаются только по день предъявленія билета къ платежу. Билеты, предъявляемые къ платежу до 1 ноября, должны имѣть при себѣ купоны, начиная съ купона на срокъ 1 ноября 1884 г. включительно; предъявляемые же къ платежу послѣ 1 ноября, должны имѣть при себѣ купоны, начиная со срока 1 мая 1885 г. включительно. За каждый недостающій купонъ соотвѣтствующая сумма будетъ удержана изъ капитальной по билету суммы.

Редакторъ, Протоіерей **Г. БУРИМОВЪ.**

Печ. дозв.: Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей *Григорій Діаконовъ*. 30 Мая 1884 года. Черниговъ. Губернская Типографія.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ

ЧЕРНИГОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

къ № 12^н.

15-го юня

(ГОДЪ XXIV).

1884 года.

Содержаніе: I. Слово въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, Просвѣтителей Славянскихъ.— II. О служеніи различныхъ сословій благу государства.— III. Педагогъ древняго классическаго міра философъ Сократъ.— IV. Секта штундистовъ.— V. Могила Филарета Гумилевскаго архіепископа Черниговскаго. VI. Объявленіе.

I. Слово въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей Славянскихъ. *)

„Помилайте истасники ваши... и азъ же озирающе на скончаіе жительства, подражайте еврѣ ихъ“.

И да будетъ во благословеніи изъ вѣка въ вѣкъ, въ роды родовъ между всѣмъ великимъ родомъ Славянскимъ славная память святыхъ просвѣтителей Славянскихъ Кирилла и Меѳодія! Ихъ подвигъ, воистину равноапостольный, въ проповѣданіи Христова Евангелія, ихъ самоотверженное изшествіе на наученіе, по слову Спасителя, всѣхъ языковъ—племень славянскихъ, ихъ просвѣтительный трудъ въ образованіи

*) Говорено въ церкви Черниговской Д. Семина. 11 Мая Р. С. Прот. Н. Марковымъ.

славянской грамоты, въ основаніи первыхъ славянскихъ школъ, ихъ дивный переводъ Слова Божія на славянскій языкъ, введеніе ими величаваго славянскаго слова въ церковную молитву, пѣснь и богослуженіе—положили божественныя основы духовному возрожденію и христіанскому просвѣщенію славянъ и въ этомъ отношеніи св. братья Меѳодій и Кириллъ, воистину, всеславянскіе наставники *первоучители и отцы*: они возродили насъ духовно, научивъ познавать вѣрою Единаго, во Св. Троицѣ покланяемаго, Бога, возродили и граждански: неразрывными узами Христовой вѣры и братства соединивъ въ одно—племена, родственныя по происхожденію. Вотъ почему эти славныя и святыя имена—*Кириллъ и Меѳодій*—для славянина—русскаго стали стягомъ *православія, просвѣщенія и народности*. И счастливы вы, дѣти, что ваше воспитаніе и образованіе, въ духѣ православной вѣры и любви къ родинѣ, отечеству, совершается подъ благодатною сѣнію молитвъ и благословенія св. всеславянскихъ нашихъ первоучителей, блаженной памяти коихъ мудрою мыслию посвященъ предѣльный престоль въ этомъ храмѣ, посвященномъ св. памяти Черниговскихъ стратотерпцевъ Князя Михаила и Θεодора—этихъ первыхъ великихъ учениковъ по духу и вѣрѣ славныхъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія. Соединеніе этихъ именъ и подвиговъ—для васъ много—и глубоко поучительно!

Но особенно назидательна для васъ,—питомцы,

учебно-воспитательная пора отрочества и юности одного из святыхъ братьевъ — Кирилла и я остановлю нынѣ ваше вниманіе только на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ этой поры житія св. Кирилла и ихъ послѣдствіяхъ, великихъ для славянскихъ народовъ, да послужитъ это какъ бы для васъ именно великимъ урокомъ и твердо и прямо проложенною стезей къ цѣли вашего будущаго служенія церкви православной и христіанскому просвѣщенію народа русскаго, который благодаря просвѣтительнымъ трудамъ Кирилла и Меодія, сталъ святою Русью и народомъ православнымъ по преимуществу.

Благою волею Божія Провидѣнія о народахъ славянамъ суждено услышать Слово Христово — отъ своихъ родныхъ по племени братьевъ и возносить свои молитвы и пѣснословія къ Богу на своемъ родномъ языкѣ. Св. Кирилль, носившій въ мірѣ имя Константина, былъ самымъ младшимъ, какъ св. Меодій — самымъ старшимъ, изъ семи сыновей благочестивыхъ и знатныхъ по богатству, высокому положенію въ греческой имперіи, родителей, которые происходили изъ славянскаго рода и жили въ Солуни — главномъ городѣ Македоніи, — городѣ, просвѣщенномъ Христовой вѣрою еще самимъ апостоломъ языковъ св. Павломъ. — Родители св. братьевъ прилагали всѣ свои заботы о христіанскомъ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей. Св. Кирилль упредилъ своего брата духовною зрѣlostію, такъ что впоследствии призывалъ старшаго брата въ сотрудничество съ собою

на великомъ поприщѣ просвѣщенія славянъ вѣрою Христовой. Знаменія благодатнаго призванія къ этому святому служенію открылись на немъ весьма рано и многознаменательно. Дитя—только 7 лѣтъ—видитъ чудный сонъ, подобный тому, каковой видѣлъ въ своей юности св. Григорій Богословъ. Снится Кириллу, что Солунскій правитель предлагаетъ ему выбрать себѣ невѣсту изъ всѣхъ собранныхъ предъ нимъ дѣвицъ Солуни, и дитя избираетъ превосходившую красотой всѣхъ своихъ подругъ—*Софію*,—имя, означающее знаніе, *мудрость*. По этому знаменательному сновидѣнію родители заключили, что сыну ихъ предназначено Богомъ полюбить и приобрести *мудрость отъ Бога*. И сонъ началъ сбываться видимо для всѣхъ. „Едва отдали отрока въ наученіе книжное, повѣтствуетъ жизнеописатель св. братьевъ“, свѣяше паче всѣхъ ученикъ памятию и разумомъ, яко дивится всѣмъ. „Въ домѣ, въ которомъ онъ проводилъ большую часть времени въ занятіяхъ чтенія Слова Божія, на стѣнѣ своей комнаты онъ начертилъ изображеніе св. Креста, какъ символъ того, что Крестъ Христовъ, по слову св. Павла, есть Божія сила и премудрость Божественнаго домостроительства о спасеніи рода человѣческаго; возростая быстро въ духъ не по возрасту тѣлесному, отрокъ начинаетъ рано углубляться въ чтеніе и изученіе дивныхъ писаній возвышеннѣйшаго и глубочайшаго вселенскаго учителя Григорія Богослова. Въ твореніяхъ великаго, мыслителя—богослова, естествен-

но, встрѣчалось и недоступное еще разумѣнію любознательнаго отрока и это причиняло ему душевную скорбь сознанія своей слабости, возбуждая вмѣстѣ святую жажду знанія и стремленіе къ высшему просвѣдѣнію и познанію мудрости. Подъ изображеніемъ Креста на стѣнѣ, отрокъ пишетъ слѣдующую вдохновенную и умилительную молитву: „О Григоріе! уста твои— уста Серафима: Бога славословятъ и всю вселенную просвѣщаютъ православнымъ ученіемъ. Примми и меня, припадающаго къ тебѣ вѣрою и любовію и будь мнѣ просвѣтитель и учитель! „ Господь свнялъ мольбу сердца отроческаго, предъизбраннаго Имъ Самимъ на дѣло Свое. 15-ти лѣтъ отъ роду Кирилль, о ревности къ ученію коего дошла молва до Царь-града, взять былъ во дворецъ Императора въ товарищи царевичу Михаилу, чтобы служить примѣромъ для него въ охотѣ и любви къ наукѣ. Тамъ дивно взысканный Промысломъ Божиимъ юноша беззавѣтно предается изученію всѣхъ наукъ, составлявшихъ крутъ высшаго образованія того времени, подъ руководствомъ великаго и славнаго—свѣтила учености—патріарха Фотія, который горячо полюбилъ любознательнаго своего ученика и сталъ его другомъ—учителемъ. Много наукъ и языковъ изучалъ здѣсь Кирилль и такъ изучилъ, что во всѣхъ явился преуспѣвшимъ предъ всѣми настолько, что для иного довольно было бы успѣть столько и въ одной, сколько онъ успѣлъ во всѣхъ, по свидѣтельству его жизнеописателя, которое подтверждается плодами

послѣдующей его дѣятельности. За удивительные успѣхи въ наукахъ и высокій разумъ онъ названъ былъ *философомъ*. Философъ по своимъ обширнымъ и глубокимъ знаніямъ, онъ былъ еще болѣе мудрымъ по жизни, служа для всѣхъ примѣромъ кротости, смиренія, чистоты сердца, самососредоточенія и высшаго духовнаго настроенія, которое возвысило его духъ до того, что онъ тайно уединился на Олимпъ къ брату своему Меѳодію, проводя вмѣстѣ съ нимъ жизнь въ постническихъ подвигахъ, молитвѣ, въ изученіи книгъ Писанія и богослужебныхъ, повсему, приготовляясь къ великому дѣлу переложенія св. книгъ на славянскій языкъ. Но по усиленному желанію императора Кирилль, ставъ священникомъ, принялъ назначеніе бібліотекаря обширнаго патріаршаго книгохранилища при храмѣ Св. Софіи въ Царь-градѣ, и учителя въ высшемъ училищѣ по предмету философіи и языковъ, гдѣ его слушали, какъ туземцы, такъ и иностранцы. Скоро распространились опыты и плоды его мудрости, знаній и просвѣтительной дѣятельности на болѣе обширное пространство. Кириллу исполнилось только 24 года отроду, — и мы видимъ, что императорскій и патріаршій соборъ — избираютъ его: то для вразумленія низложеннаго съ патріаршаго престола за ересь — Анція, то для обличенія мусульманъ — Сарацинъ, которые покоривъ св. мѣста и тамошнихъ христіанъ, вели пренія съ ними, отвергая ученіе о св. Троицѣ, то посылаются на проповѣдь Христову къ Хозарамъ, за-

владѣвшимъ областью южной Россіи, но слившимся съ обитателями этой области—русско-славянскими племенами, и т. о. былъ первымъ проповѣдникомъ Христа между русскими южными племенами, живя долго въ Херсонезѣ, (близъ нынѣшняго Севастополя), проповѣдуя здѣсь съ успѣхомъ, и поставивъ вмѣсто себя священниковъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ св. Кириллъ стяжалъ имя и славу апостола Христова, проповѣдывавшаго въ народахъ. Наконецъ просвѣтительная дѣятельность Кирилла, которому становится великимъ сотрудникомъ и Меодій, Промысломъ Божиимъ направляется на просвѣщеніе свѣтомъ Христовымъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ. Князья западныхъ славянскихъ племенъ послали пословъ къ Греческому Императору Михаилу. „Народъ нашъ, говорили они, отвергся идолопоклонства, но мы не имѣемъ такого учителя, который на родномъ намъ языкѣ совершенно научилъ бы насъ Св. Вѣрѣ. Умоляемъ тебя, пошли намъ такого учителя“. Императоръ обратился къ Кириллу: „знаю, мой философъ, что ты слабъ (здоровьемъ), но кромѣ тебя никто другой не можетъ такъ исполнить ихъ прошенія“. Братство племенное, знаніе живое славянской рѣчи, глубокая образованность и обширная ученость Кирилла, наипаче же во всемъ благомъ содѣйствующая Благодать Божія—умудрили его составить славянскую азбуку, чтобы передать на вѣки славянамъ Слово Божіе и красоту христіанскаго православнаго Богослуженія на родномъ величественномъ языкѣ. Въ сотрудничествѣ

съ Меодіемъ Кирилъ совершилъ величайшій подвигъ—переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на общеславянскій языкъ и первыя слова были ученіе о Словѣ: „въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“. Но св. первоучители, передавъ слово Божіе на славянскій языкъ, пронесли его въ живой своей проповѣди—по землямъ славянскимъ, отъ Болгаріи до Моравіи. Своимъ духовнымъ раломъ они провели и прорѣзали глубокую борозду по нивѣ славянской и посѣяли въ ней благодатное сѣмя слова Божія, поливъ его обильно своимъ потомъ, т. е. борьбою, многими страданіями и любовію,—и за то какіе роскошныя всходы и полныя нивы—цѣлый православный славяно-русскій міръ, царство Божіе на землѣ, святое достояніе Христово!

Таково было приготовленіе св. Кирилла отъ самой юности къ равноапостольному подвигу его въ сотрудничествѣ съ св. братомъ Меодіемъ. Дѣти и юноши, воспитывающіеся и учащіеся здѣсь для приготовленія къ высокому настырскому просвѣтительному служенію русскому народу! Взирая на жизнь, въ краткихъ чертахъ изображенную мною, св. Кирилла, какъ нашего первоучителя, старайтесь, по заповѣди Апостола, подражать ему. Кротость, смиреніе, послушаніе, чистота мыслей и сердца, благочестивое настроеніе духа его да будетъ для васъ живымъ и постояннымъ урокомъ и образцемъ для вашего поведенія въ этомъ духовномъ училищѣ вѣры и благочестія. Только въ такомъ смыслѣ

имѣеть смыслъ носимое вами названіе *духовныхъ воспитанниковъ* и вы будете достойны этого прекраснаго названія, которое указываетъ на возвышеннѣйшее и благороднѣйшее призваніе ваше, *священное званіе*— быть руководителями множества людей на пути духовной жизни, составляющей долгъ и цѣль всякаго христіанина!—Любовь къ мудрости, ревность къ наукѣ, особенно любовь къ разумнѣю слова Божія, твореній св. учителей Церкви, проникнутыхъ духомъ слова Божія, ревность къ православному Богослуженію, которое св. просвѣтителіи создали для славянъ, много страдая за это,— да послужитъ это могущественнымъ побужденіемъ для васъ въ любви къ образованію, въ прилежаніи къ изученію наукъ, особенно къ разумнѣю духа и силы слова Божія, въ соединеніи съ церковностью, состоящею въ любви къ церковному Богослуженію“. *Главные столбы, на которыхъ зиждется воспитаніе духовное и которые должны бы служить основами всякаго воспитанія—это Слово Божіе, въ соединеніи съ Церковностію.* О словѣ Божіемъ слыхали вы не мало; но надобно уразумѣть, что оно значить. „Сколько бы ни читали вы книгъ, всѣ книги будутъ лишь сбивать съ толку, если не узнали и не полюбили эту единую и великую книгу—книгу Слова Божія и Завѣта Божія человѣку.—Много писано книгъ, и всѣ проходятъ и забываются, смѣняясь другими книгами.—но эта книга—*Вѣчная*. Книга священныхъ Писаній отвѣчаетъ удивительно запросамъ всякой души

человѣческой, въ истинномъ (а не живомъ) и высокомъ (а не низкомъ) ея настроеніи, то есть въ чувствѣ высокаго изумленія передъ величіемъ вселенной и глубокаго смиренія предъ величіемъ Бога, «о Немъ же живемъ, движемся и есмы». И такъ—кто бы вы ни были—пастыри ли и учителя народа въ церкви Божіей, наставники ли юношества, общественные дѣятели, отцы и супруги,—и ваша душа, если хранитъ въ себѣ правду жизни,—и всякая душа къ вамъ взирающая, обратится къ вамъ съ тѣми же коренными, основными запросами. Какъ вы отвѣтите на нихъ—не зная этой книги, съ такою полнотою отвѣчающей на все запросы души, не всматриваясь въ это вѣчное зеркало отражающее въ себѣ и нынѣ, какъ отражало во все времена, все высоты и волны человѣческихъ ощущеній, все преходящія событія жизни человѣческой? Безъ этой книги останетесь вы глухи и слѣпы и нѣмы цѣлую жизнь свою; съ этой книгой станете ловцами человѣческихъ душъ—и приобретете собственное слово истины.

„Другая сила, которую вы должны вынести съ собою изъ школы, если хотите значить въ жизни и имѣть силу въ народѣ—это церковность, то есть любовь къ храму Божію, уваженіе къ уставу его, твердое, привычное знаніе церковнаго богослуженія и воспитанный вкусъ къ красотѣ церковной, плѣняющей народную душу. Кто любитъ и знаетъ наше Богослуженіе, тотъ находитъ въ немъ неисчерпаемыя сокоро-

вища Боговѣденія, благочестія, мысли, разума, красоты и поэзи. Оно—само по себѣ училище для народа, и живая проповѣдь поучающая народъ,—словомъ Божиимъ, молитвою, образами и звуками. Каждое слово въ немъ—есть достояніе народное, и кто умѣетъ передать каждое слово во всемъ его значеніи, во всей его красотѣ, и раскрыть передъ народомъ всѣ тайны сокрытыя въ чинѣ Богослуженія,—тогда совершаетъ благое зиждительное дѣло для народа, просвѣщаетъ свѣтомъ людей во тьмѣ сидящихъ и исполняетъ великій долгъ свой въ церкви. Аминь *).

—••••—
II. О служеніи различныхъ сословій общему благу государства *).

Служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой получили. Петр. IV, 10.

Св. Апостолъ учитъ, что власть и могущество, врученныя Богомъ царямъ земнымъ, служатъ для подвластныхъ имъ народовъ залогомъ и основаніемъ тихаго и безмолвнаго житія; а тихое и безмолвное житіе, по слову того-же Апостола, есть дѣйствительнѣйшее средство для утвержденія людей въ Вѣрѣ и благочестіи; *благочестіе-же на все полезно есть*; оно просвѣщаетъ разумъ, облагораживаетъ сердце, укрѣпляетъ волю; говоря иначе, оно содѣйствуетъ къ возвышенію въ наукахъ, усовершенствованію въ искусствахъ къ утвержденію въ силѣ и мужествѣ. Итакъ, вознося теплыя молитвы о здравіи и благоденствіи Боговѣн-

*) „Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій“... С. П. 1881.

*) Изъ слова Пресвященнаго Венямина, Епископа Черниговскаго, на высокоторжественный день,

чаннаго нашего возлюбленнаго Монарха, Его Августѣйшей Супруги и всего Царствующаго Дома, нетрудно предугадать какими чувствами преисполнены наши души и сердца. Мы, безъ сомнѣнiя, желаемъ, чтобы наши свѣтлорадостныя надежды на тихое и безмолвное житiе, а при немъ на благоденствiе и счастiе отечества, перешли въ дѣло, — осуществились. Но осуществимы-ли эти желанiя? Да, они осуществимы, но лишь при тѣхъ условiяхъ, которыя указаны нами въ вышеприведенныхъ словахъ св. Апостола Петра, — именно, когда мы будемъ служить другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили.

Государство есть великое тѣло, въ которомъ Государь есть глава, а подданные члены. Какъ въ тѣлесномъ организмѣ, каждый членъ назначенъ природою для извѣстнаго служенiя, выполняя которое онъ приноситъ извѣстную долю блага и пользы для всего тѣла; такъ и въ великомъ тѣлѣ государства каждый живой членъ, своею дѣятельностию, сообразною съ его постановкою, велика-ли, или малозначительна эта дѣятельность, приноситъ пользу всему государству. И доколѣ совершается въ тѣлѣ живое и дѣятельное исполненiе своего назначенiя каждымъ членомъ тѣла, дотолѣ весь составъ тѣлесный пребываетъ въ здоровомъ состоянiи, — наслаждается покоемъ и довольствомъ; такъ и въ великомъ организмѣ государственномъ дотолѣ процвѣтаетъ довольство и счастiе, доколѣ всѣ члены его вѣрно, честно и усердно исполняютъ свои обязанности. Спрашивается: когда же эта дѣятельность можетъ назваться цѣлесообразною и благопотребною?

Обращаемся, первѣе всего, къ дѣятельности тѣхъ немногихъ благородныхъ мужей, которые замѣтнѣе другихъ, по своему высокому положенiю въ государствѣ. Знаки высокихъ Царскихъ наградъ, украшая ихъ, видимо отличаютъ ихъ въ ряду

другихъ и даютъ знать, что это мужи совѣта, передовые люди въ государствѣ, лица пользующіеся особымъ довѣріемъ Главы государства и облеченные властію. Сообразно съ такимъ высокимъ положеніемъ въ государствѣ и дѣятельность ихъ должна быть столь же высока и благородна. Такъ, это тѣ просвѣщеннѣйшіе люди, которые, обладая высокими умственными дарованіями, изучили въ совершенствѣ многосложный механизмъ государственной жизни, знаютъ силу и назначеніе каждаго отдѣльнаго состава сего механизма; обладаютъ правами для правильного распредѣленія этихъ составныхъ частей—къ соответствующему ихъ служенію—въ общемъ стрѣѣ государства; понимаютъ негодность къ употребленію испорченныхъ составовъ механизма. При такихъ познаніяхъ, сами собою опредѣляются обязанности ихъ служенія для государства. Они должны посвящать всѣ таланты своего ума на осуществленіе возвышенныхъ и мудрыхъ предначертаній Главы государства, заботящагося о спокойствіи, довольствѣ, могуществѣ и счастіи своего государства. На нихъ лежитъ обязанность внимательно слѣдить за точнымъ, вѣрнымъ и неподкупно-честнымъ исполненіемъ всѣми членами государства ввѣреннаго имъ служенія, каково первѣе всего охраненіе личныхъ правъ и достоинства каждаго члена въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ злоба и коварство будутъ усиливаться сдѣлать имъ ущербъ или притѣвленіе; таково, далѣе,—изыскиваніе способовъ для правильнаго физическаго труда,—этого могущественнаго рычага,—на цѣлесообразной дѣятельности котораго основывается такой же ходъ и процвѣтаніе государственной экономіи и внѣшнее благосостояніе жителей страны; таково, наконецъ, усиліе о томъ, чтобы свѣтъ наукъ проникъ и озарилъ всѣ самыя даже отдаленныя области обширнаго государства, и

именно, усиліе во повсюдномъ учрежденіи народныхъ училищъ, объ усовершенствованіи способовъ преподаванія наукъ, объ улучшеніи средствъ для поддержанія труженниковъ науки, ибо только при этомъ усиліи можетъ быть поражено невѣжество, разсѣются народные предрасудки, облагородятся нравы, истребятся пороки, возбудится любовь къ труду и взаимное довѣріе членовъ государства. Если дѣйствительно такова дѣятельность сказанныхъ мужей въ кругу общественной жизни, кто не признаетъ ее тогда отвѣчающею своему назначенію, а слѣдовательно благотворною и благопотребною? Кто не скажетъ, что представители оной заслуживаютъ занять мѣста ближайшія къ трону Царя Россіи, чтобы при посредствѣ ихъ, какъ лучшихъ проводниковъ, мудрыя и благотворныя предначертанія попечительнаго Монарха съ быстротою свѣта пробѣгали и осуществлялись во всѣхъ концахъ государственной его Державы?

Взоръ невольно останавливается и на другихъ, неменѣе благородныхъ и доблестныхъ мужахъ—сынахъ Россіи. По ихъ мужественнымъ лицамъ, выражающимъ твердость и неустрашимость духа, по ихъ украшеніямъ и воинскимъ доспѣхамъ, каждый изъ насъ знаетъ, что это герои славы, защитники отечества и опора его благоденствія. Въ чемъ должна проявляться ихъ благотворная дѣятельность? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ исторія геройскихъ подвиговъ на поляхъ брани ихъ предшественниковъ. Она возвѣщаетъ намъ, что всюду, гдѣ только развѣвались воинскія знамена Россіи, съ полнымъ самоотверженіемъ выступали эти герои на защиту Вѣры, Царя и Отечества, жертвуя для этого не однимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, но и самую жизнь. Не смущались они при видѣ грозныхъ враговъ;

геройски и до послѣдней возможности выдерживали упорныя и ожесточенныя нападенія; съ удивительнымъ терпѣніемъ переносили тяжкія страданія отъ глубокихъ ранъ, полученныхъ ими въ кровавомъ бою; съ горячею любовію и преданностію Царю и Отечеству умирали они, пораженные на смерть. Они то не разъ разсѣвали, какъ прахъ, съ лица родной земли несмѣтныя полчища враговъ, устремлявшихся на разореніе нашихъ твердынь, на попраніе нашей заветной святыни-Вѣры Православной, на униженіе славы и величія Земли Русской. Если также самоотверженно и горячо служеніе и нынѣшнихъ вождей побѣдоноснаго воинства Русскаго, кто не назоветъ его благотворнымъ и благопотребнымъ? Кто не скажетъ: не напрасно они отличены въ ряду другихъ сыновъ Россіи особенными знаками Царскихъ милостей; не напрасно приближены въ ступенямъ Царскаго трона; не безъ причины державная десница Царя опирается на нихъ, какъ на твердый оплотъ Земли Русской.

Для внимательнаго взора не незамѣтны также въ рядахъ сыновъ Россіи и тѣ почтенные мужи, которые обладаютъ большими капиталами и обширнымъ имущественнымъ богатствомъ. Часто, въ прискорбію, злоупотребляютъ этимъ могущественнымъ средствомъ люди, пронивнутые эгоизмомъ; но тѣмъ не менѣе истинное назначеніе сокровищъ земныхъ не неизвѣстно для мужей мудрыхъ и благонамѣренныхъ. Держась наставленій Богопросвѣщеннаго Царепорока: *богатство аще течетъ, не прилажайте сердца*, они заботятся о развитіи и умноженіи своихъ богатствъ не для удовлетворенія пустаго тщеславія и гордости, не на разорительныя пиршества и увеселенія, не для пагубныхъ игръ и разсѣянныхъ наслажденій; нѣтъ, главною цѣлію ихъ заботъ, въ сказанномъ случаѣ,

служить довольству и общему благу отечественной страны. Они увеличивают свои богатства, главнымъ образомъ, для того, чтобы, ввѣривъ оныя могущественному покровительству Державнаго Монарха, тѣмъ самымъ доставить Ему средства и возможность производить полезнѣйшія учрежденія и работы въ государствѣ, — по всѣмъ отраслямъ государственной экономіи. Если эту цѣль имѣютъ въ виду и современные обладатели матеріальныхъ богатствъ, развивая и усовершенствуя ихъ, то кто не назоветъ ихъ дѣятельность благотворною и достойною уваженія? Плоды такой дѣятельности незамедлительно обнаружатъ ея благотворность. Мы увидимъ ее въ развитіи внутренней и внѣшней торговли, въ улучшеніи путей сообщенія, въ возведеніи несокрушимыхъ укрѣпленій, въ усовершенствованіи мануфактурной производительности; она же скажется въ учрежденіи благотворительныхъ заведеній для приюта сиротъ и безпомощныхъ, для попеченія за больными и увѣчными.

Далѣе виднѣются неопредѣленные массы народа. Скромность ихъ взоровъ, простота и неизысканность одеждъ лучшее доказательство и той скромной доли, которая выпала имъ среди ихъ согражданъ. При такой постановкѣ ихъ въ обществѣ, естественно, что и самая дѣятельность не такъ обширна, какъ другихъ. Такъ, не обширна и немногосложна ихъ дѣятельность въ обществѣ, но тѣмъ не менѣе, можетъ быть добра и благоплодна. Мы не будемъ именовать занятій этого многочисленнаго класса народа, — занятій столь же разнообразныхъ, какъ разнообразно ихъ состояніе, ихъ таланты, дарованные имъ отъ Господа. Замѣтимъ только, что это тѣ сокровенные и невѣдомые міру члены великаго государственнаго тѣла, которые, принимая на себя незначительную долю изъ огромныхъ матеріаловъ государственной экономіи,

своею дѣятельностію претворяють ее въ плоть и кровь этого великаго тѣла и, такимъ образомъ, своею дружною дѣятельностію поддерживаютъ жизнь и движеніе во всемъ тѣлѣ. Остановись, хотя на малое время, ихъ незримая работа, немедленно произойдетъ боль и разстройство во всемъ организмѣ. Даже ослабленіе и поврежденіе одной части изъ ихъ производительности, произведетъ болѣзненное и тяжелое ощущеніе во всемъ организмѣ. Понятно, посему, какъ благотворна и благопотребна можетъ быть для организма ихъ живая, здоровая и правильная дѣятельность. Когда же она можетъ быть такою? Тогда, когда эти члены, внемля ученію слова Божія, не будутъ увлекаться предпріятіями, превышающими ихъ естественныя силы. Такія предпріятія только истощили бы ихъ и убили энергію. Тогда, когда руководительнымъ началомъ для своей дѣятельности будутъ имѣть въ виду указанія, начертанныя мудростію высшей Власти и опредѣленно выраженные въ существующихъ узаконеніяхъ. Тогда еще, когда имѣя въ виду страхъ Божій, изгонять изъ своей среды всякое излишество въ пользованіи дарами Божіими, въ чемъ оно ни проявлялось бы,—въ пищѣ ли, въ питіи, въ нарушеніи честнаго слова, въ своеволіи, въ необузданной раздражительности, въ корыстолюбіи или въ чемъ другомъ. Тогда, наконецъ, когда сказанные члены общества отвратятъ свой взоръ и свой слухъ отъ *тѣхъ палубныхъ, хотя и мстивыхъ онушеній, навѣваемыхъ на нихъ чинными и отверженными исчадіями рода человѣческаго*, къ прискорбію, увеличившимися въ наше время, которые, извративъ свою человѣческую природу и преградивъ себѣ чрезъ то путь къ довольству и счастію, съ злостію, свойственною кровожаднымъ звѣрямъ, готовы устремиться на достояніе и жизнь людей, чтобы лишить и ихъ тѣхъ благъ,—

того довольства и благополучія, которыхъ сами не имѣютъ. Но какъ бы ни была дружна, равномѣрна и соотвѣтственна своему назначенію дѣятельность всѣхъ членовъ въ государствѣ, она, основываясь на однихъ естественныхъ, крайне ограниченныхъ силахъ природы человѣческой, легко можетъ ослабѣть и даже истощиться, если не будетъ освѣжаема и укрѣпляема вышеестественною силою, исходящею отъ Вседержавнаго Подателя всѣхъ силъ—Бога. И самыя роскошныя растенія въ природѣ видимой немедленно увядаютъ и засыхаютъ, если лишаются потребнаго количества свѣта, теплоты и влаги. Что свѣтъ, теплота и влага для существъ природы вещественной, то Божественная Благодать для существъ міра нравственнаго—людей. Она одна даетъ имъ въ обиліи силы и крѣпость, поддерживаетъ жизнь и движеніе. *О Немъ бо, т. е. о Богѣ, говоритъ Апостоль, мы живемъ, движемся и есмь.* Для испрошенія этой благодатной силы, предназначены особы лица въ государствѣ. Это тѣ благоговѣйные служители Алтара, которымъ усвоено названіе пастырей словеснаго стада. Посвященные на преимущественное служеніе Богу, на совершеніе священнѣйшихъ Таинствъ Его домостроительства, они исключительно заботятся о томъ, чтобы возвѣстить людямъ волю Божию,—открытую въ Его Божественномъ Словѣ, научить людей правой вѣрѣ и утвердить въ доброй нравственности. Руководствуясь этимъ Божественнымъ Словомъ, какъ истиннымъ свѣтомъ, среди мрака человѣческаго суетумудрія и суесловія, они открываютъ людямъ и тѣ неизблѣмныя основанія, на которыхъ утверждается достоинство, святость и неприкосновенность, какъ Главы государства, такъ и каждаго члена въ частности. Такъ, они учатъ видѣть въ лицѣ Государя ту Священную Особу, которую избираетъ

самъ Богъ; того представителя Божія на землѣ, *сердце котораго въ руцѣ Божіи*, а потому преисполнено правды и истины, любви и милосердія. Вразумляясь тѣмъ же словомъ Божиимъ, они внушаютъ видѣть въ поставленныхъ отъ Царя начальникахъ слугъ Божіихъ, блюстителей и исполнителей Его узаконеній, искренно преданныхъ Церкви и Отечеству сыновъ и ревнителей о благосостояніи и процвѣтаніи всего, что такъ дорого и свято для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Дѣятельность, поистинѣ, величайшая и благотворнѣйшая! Ибо при содѣйствіи ея водворится миръ, любовь и единодушіе всѣхъ членовъ государства. Но чтобы она была такою, священнослужители Церкви должны по заповѣди Апостольской *очистить себя отъ всякихъ сквернъ плоти и духа и совершать святыню въ страхъ Божіи*; должны служить для всѣхъ членовъ общества *образами здравыхъ словесъ, дѣлателями неукоризненными, вѣрно преподающими слово истины*; должны *ревновать о проповѣданіи Слова Божія благовременнѣ и безвременнѣ, обличая, запрещая, увѣщавая со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ*.

Такова должна быть честная дѣятельность каждаго живаго члена, входящаго въ составъ великаго государственнаго тѣла и только на такой дѣятельности основываются довольство, спокойствіе и счастье какъ членовъ, такъ и Главы государства; ибо источникъ такой дѣятельности есть любовь, а любовь, по Апостолу, *есть союзъ совершенства*. Позаботимся же, благородные члены великаго государства Русскаго, и братья о Христѣ, выполнять во всей точности то назначеніе, къ которому призванъ каждый изъ насъ, или, по Апостолу, служить другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили, дабы благоденствіе, счастье и могущество Отечества нашего продлилось на долгіе вѣки.

Епископъ *Веніаминъ*.

III. Педагогъ древняго классическаго міра— философъ Сократъ.

IV. Значеніе принциповъ и пріемовъ Сократова обученія, какъ руководительныхъ началъ воспитанія.

(Окончаніе).

Великій дѣятель новаго педагогическаго искусства—Песталоцци, говоря о примѣненіи Сократовскаго метода, сдѣлалъ сжатую, но мѣткую замѣтку о сущности этого метода. „Сократъ“, говоритъ онъ, „бесѣдовалъ съ юношами, которые владѣли языкомъ и наблюденіями. Позаботься, чтобъ и твой ученикъ имѣли подобный запасъ; тогда сами собою будутъ возникать у нихъ вопросы о томъ, что они видѣли и наблюдали въ жизни“. Возводя это практическое правило въ общій теоретическій принципъ, мы только обобщимъ замѣчаніе Песталоцци, когда назовемъ методъ Сократовъ *естественнымъ,сообразнымъ съ законами духовной природы чловѣка, какъ процессъ обученія, основанный на собственномъ воспріятіи и наблюденіи учениками того, что они видѣли и слышали, прочувствовали и испытали сами.*

Въ Сократѣ мы признаемъ первоначальника той великой доктрины, которую, двѣ тысячи лѣтъ спустя, высказалъ съ такою систематическою опредѣленностію Коменскій въ своей по истинѣ „Великой Дидактикѣ“¹⁾, и которую Песталоцци старался осуществить въ теоріи *предметныхъ уроковъ*, созданной имъ скорѣе по глубокой гениальной проницательности, чѣмъ по фило-

¹⁾ Славянинъ Амосъ Коменскій, основатель современной дидактики, написалъ великое твореніе „Didactica Magna“, гдѣ съ изумительною всеобъемлемостію систематически разработалъ теорію обученія, основнымъ принципомъ которой полагаетъ соответствие методовъ обученія законамъ природы, законамъ естественнаго развитія. Славянский міръ въ лицѣ Коменскаго внесъ великій вкладъ въ науку о воспитаніи. См. объ Амосѣ Коменскомъ въ *Трудахъ Кіевской Академіи* 1859 г., кн. 1 и 2, въ *Учителѣ* того же года, № 7, 8, 9 и 10; въ *Журн. Мил. Народн. Просв.* за 1870 г. капитальные труды С. И. Миропольскаго и Янъ Амосъ Коменскій „въ томъ же журналѣ за 1872 г. и отдѣльный трактатъ: Народная школа по идеямъ Коменскаго“. Мы имѣемъ прибавить къ этимъ трудамъ свой опытъ; „педагогъ новаго христіанскаго міра—Славянинъ Коменскій“.

софски обдуманному плану, такъ какъ для систематической разработки ея ему не доставало ни средствъ, ни умѣнья, по свидѣтельству даже его поклонниковъ. Главный принципъ этой доктрины признается нынѣ основнымъ началомъ современной науки о воспитаніи, хотя и нынѣ далеко не осуществляется такъ блистательно и плодотворно въ педагогической практикѣ, какъ это было у Сократа. Сущность этой доктрины заключается въ положеніи, что „воспитаніе въ своихъ методахъ должно сообразоваться съ естественнымъ процессомъ духовнаго человѣческаго развитія; что методъ послѣдовательнаго и систематическаго обученія соответствуетъ и долженъ соответствовать закону той психической послѣдовательности, съ которою умственные способности вырабатываются естественно и самобытно“. Методъ природы, говоритъ Марсель, есть архитипъ всѣхъ педагогическихъ методовъ. Сдѣлать ученика способнымъ къ самообразованію—вотъ жизненный принципъ въ этомъ дѣлѣ, пишетъ Вайцъ. Приводя эти слова педагогическихъ мыслителей, Спенсеръ присовокупляетъ:

„Увеличеніе знанія ведетъ къ ограниченію нашего вмѣшательства въ процессы жизни. Какъ въ медицинѣ старое героическое лѣченіе замѣнилось во многихъ случаяхъ діетой, какъ въ тюрьмахъ замѣтили, что самая тщательная дисциплина не столь дѣйствительна, какъ естественная дисциплина поддержки самого себя посредствомъ производительной работы, точно также начали мы сознать, что успѣхъ въ воспитаніи возможенъ только тогда, когда наши приемы согласуются съ естественнымъ, самопроизвольнымъ движеніемъ умственныхъ силъ къ зрѣлости“¹⁾.

Методъ Сократовъ дѣйствительно указываетъ на такіе руководящіе принципы, которые можно считать существенно необходимыми для пракческаго искусства воспитанія и обученія. Съ этою цѣлю, считая плодотворнымъ и для нашего времени изложеніе и разсмотрѣніе основныхъ началъ Сократова обученія, теперь постараемся представить ихъ раздѣльно и въ логическомъ порядкѣ взаимнаго соотношенія и отношенія ихъ къ основной руководящей идеѣ воспитанія,—*къ идеѣ о соответствіи методовъ обученія съ естественными законами духовнаго развитія.*

1) Г. Спенсеръ, Собр. сочин., т. III, стр. 77.—78.

Слѣдя за ходомъ Сократовскаго приѣма обученія въ разговорахъ Платона, приѣма, который Аристотель положительно называетъ индуктивнымъ методомъ мышленія, мы легко можемъ уяснить себѣ тѣ законы духовнаго интеллектуальнаго развитія, которые обуславливали педагогическій методъ Сократовъ и которые должны служить руководящими началами рациональнаго искусства интеллектуальнаго воспитанія юношества.

Мы уже приводили замѣчаніе Ксенофонта, что Сократъ въ своихъ бесѣдахъ всегда переходилъ *отъ того, что лучше извѣстно, къ неизвѣстному*, которое, по выраженію Аристотеля, для ума гораздо болѣе существенно, чѣмъ извѣстное намъ. „Сократъ вѣчно толкуетъ о плавильщикахъ, кожевникахъ, дубильщикахъ“, говоритъ Платонъ устами Алкивіада, — „это его постоянная привычка. Но кто вникнетъ въ значеніе его словъ, тотъ увидитъ, что лишь его рѣчи имѣютъ глубокой и убѣдительный смыслъ, что онѣ представляютъ уму безчисленные образы всякаго совершенства, что онѣ направлены къ достиженію важнѣйшихъ цѣлей“. Прежде мы уже показали, какъ Сократъ свои глубочайшія идеи о наукѣ чело-вѣческой природы, наукѣ о законахъ образованія характера, соотвѣтствующей искусству воспитанія, ставилъ въ параллель съ практически извѣстными специальными искусствами или ремеслами, и какъ эта параллель приводила Сократа и слушателей къ совершенно новымъ и важнымъ выводамъ. Изъ этого и другихъ подобныхъ примѣровъ, которыхъ не мало есть у Платона и Ксенофонта, очевидно, что Сократъ пользовался въ своихъ бесѣдахъ аналогіями и, какъ прекрасно выражается Платонъ, *образами*, по глубоко обдуманному педагогическому плану возводя умъ слушателей отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, сообразно этому общему эмпирическому закону духовнаго развитія. Этотъ первоначальный приѣмъ индуктивнаго мышленія по аналогіи имѣетъ великое значеніе и обширное примѣненіе въ рациональномъ обученіи. Это, пожалуй, будетъ наведеніе „черезъ простое перечисленіе случаевъ“, собраніе сходныхъ фактовъ, но оно же должно и можетъ служить основаніемъ для точныхъ обобщеній, для опредѣленныхъ понятій 1).

1) См. Д.-С. Милль, система логики, т. II, стр. 99.

Первыя воспріятія мысли начинаются съ нагляднаго сходства отдѣльных предметовъ, и только постепенно вырабатываясь, приобрѣтають точность и опредѣленность и восходятъ на степень общихъ понятій о предметахъ. Только посредствомъ умножающагося числа опытовъ, изъ которыхъ каждый оставляетъ въ душѣ сознательный слѣдъ, накопляются изъ этихъ слѣдовъ основныя группы первоначальныхъ воспріятій, общія формы, въ которыхъ воспринимается всякое новое однородное представленіе и путемъ многократнаго повторенія входящихъ въ него случаевъ (признаковъ) достигаетъ высшей степени точности, опредѣленности и общности понятія 1). Вотъ психологическое основаніе того Сократовскаго приѣма, который Ксенофонтъ справедливо обозначилъ переходомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и который признается основнымъ принципомъ современной педагогической методикѣ. Изъ этого принципа возникли употребительнѣйшіе нынѣ педагогическіе приѣмы, такъ называемыя предметныя уроки, имѣющіе цѣлю органическое развитіе наблюдательныхъ способностей дитяти, и наглядное обученіе, какъ естественный переходъ отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, основанное на соединеніи элементовъ уже приобрѣтенныхъ представлений.

Второй общій психологическій законъ, съ которымъ вполне сообразовались бесѣды Сократа, можно обозначить переходомъ *отъ частнаго или простаго къ общему и сложному*. Мы видѣли, что разговоръ Сократа вращался около какого-либо *общаго выраженія*, разлагая его на тѣ отдѣльныя частности, которыя сгруппированы въ этомъ выраженіи, какъ въ своей формулѣ, и посредствомъ анализа каждой частности доводилъ умъ слушателя до сознательнаго общаго понятія. Послѣдній логическій моментъ, очевидно, столь же сложнѣе каждой отдѣльной частности, сколько этихъ частей обнимаетъ подъ собою всякое родовое выраженіе. Когда предварительно каждая отдѣльная и простая въ этомъ отношеніи часть сознательно усвоена умомъ, тогда общее выраженіе этихъ подробностей сильно облегчаетъ удержаніе ихъ въ памяти, соединяя нѣсколько фактовъ въ одинъ, и, какъ памятная замѣтка о преждеузнанныхъ фактахъ, чрезвычайно помогаетъ процессу сужденія, представляя для него готовыя послышки, сообщая искусство

1) См. Beneke, Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft Berl. 1833. Ejusdem, Erziehung-und Unterrichtslehre, 2 Th. Berl. 1835.

обращать память въ опытъ или искусство наведенія (индукціи), о которомъ еще Аристотель вѣрно замѣтилъ, что оно „начинается, когда изъ большаго числа опытовъ образуется одно общее понятіе, вмѣщающее въ себѣ всѣ подобныя случаи“¹⁾.

Умъ, сознательно усвоившій себѣ эти простыя, каждая въ своей отдѣльности, истины, которыя заключаются въ извѣстной общей, слѣдовательно, сложной ихъ формулѣ, можетъ, безъ сомнѣнія, легко самъ доходить до этихъ сложныхъ умственныхъ операцій. Такая обработка ума, составлявшая педагогическую задачу обученія Сократова, вполне согласна съ общими законами духовнаго нашего развитія. Какъ все способное и подлежащее развитію, развивающійся умъ переходитъ *отъ однороднаго къ разнородному*. Первоначально мыслительная сила человѣческаго духа обнаруживается въ самыхъ простыхъ, однородныхъ формахъ дѣятельностей, которыя болѣе и болѣе разнообразятся по мѣрѣ накопленія опытовъ и соединенія ихъ въ разнообразныя группы, и только въ концѣ умственнаго развитія мы видимъ гармоническое дѣйствіе самыхъ разнообразныхъ способностей²⁾. Нормальная система воспитанія должна быть объективною копіей этого субъективнаго процесса и идти тою же *дорогой отъ частныхъ къ общему*³⁾ (какъ называетъ наведеніе Аристотель), которою такъ блистательно велъ свое обученіе Сократъ. Прежде слѣдуетъ узнать отдѣльныя истины, подробности, потому что каждая изъ нихъ есть сама по себѣ нѣчто однородное, простое; а потомъ должно изслѣдовать образованіе сложныхъ формулъ въ умѣ, объединяющихъ эти подробности. Этотъ методъ противоположенъ тому ошибочному приему, по которому учителя прежде всего стараются сообщить *основныя начала*, полагая, что общія формулы упрощаютъ изученіе подробностей, въ нихъ содержащихся, способствуютъ удержанію ихъ въ памяти, но

1) *Γίνεται τε τέχνη όταν ἐκ πολλῶν τῆς ἐμπειρίας ἐνοημάτων καθόλου μία γίνεται περὶ τῶν ὁμοίων ὑποληψίς.* Met. I, I. Онъ поясняетъ это такъ: если вы знаете, что извѣстное дѣяръство излѣчило Калліа отъ болѣзни и что оно произвело такое же дѣйствіе на Сократа и многихъ другихъ, то это есть *опытъ*; но знаніе того, что оно излѣчитъ всѣ лица отъ той же болѣзни—есть искусство.

2) *Weppe.* Neue Psychologie. См. также Г. Спенсера: Начала психологій.

3) *Επαγωγὴ δὴ ἢ ἀπὸ τῶν καθέκαστά ἐπὶ τὰ καθόλου ἔφοδος.* Topic. I, 10.

забывая, что это обобщеніе не есть простое, но гораздо сложнѣе взятой отдѣльно каждой изъ истинъ, входящихъ въ содержаніе общаго понятія, и что усвоеніе общихъ формулъ доступно только тогда, когда большая часть отдѣльныхъ истинъ уже извѣстна, а безъ того всякое обобщеніе останется тайною для ума, *terra incognita*.

Въ видахъ выясненія вышеупомянутыхъ двухъ положеній укажемъ, какъ на особый эмпирической законъ умственного развитія, такъ блистательно осуществленный индуктивнымъ методомъ Сократовыхъ бесѣдъ, на переходъ *отъ эмпирическихъ фактовъ къ отвлеченнымъ идеямъ, отъ конкретнаго къ абстрактному*. Великою и постоянною цѣлю педагогической культуры умовъ для Сократа было внушеніе слушателямъ необходимости непрестаннаго вниканія въ общія понятія или отвлеченныя опредѣленія, по свидѣтельству Аристотеля, которое мы уже приводили. Согласно съ этою цѣлю, Сократъ постоянно въ своихъ бесѣдахъ старался опредѣлять каждое общее выраженіе. Но этому конечному результату всегда предшествовало у него разложеніе общаго понятія на частныя факты, отъ которыхъ отвлечено это понятіе, и совокупность которыхъ обозначается общимъ выраженіемъ. Каждый изъ этихъ частныхъ фактовъ подвергался тщательному изслѣдованію посредствомъ допрашиванія до тѣхъ поръ, пока вся совокупность ихъ могла сознательно и въ гармоніи всѣхъ своихъ частей сложиться въ умѣ слушателя въ общее понятіе и отчетливо выразиться въ отвлеченномъ опредѣленіи предмета. Этимъ объясняется намѣренное, педагогически-разсчитанное постоянное уклоненіе Сократа въ бесѣдахъ отъ положительнаго формулированія общаго заключенія о предметѣ разговора, извѣстное подъ именемъ *Сократовой ироніи*, гдѣ опредѣленіе знанія замѣнялось послѣдовательнымъ рядомъ вопросовъ, которые даютъ поводъ ко всестороннему обследованію частныхъ случаевъ или фактовъ, входящихъ въ составъ общаго понятія. Все это подробное изслѣдованіе, неподражаемымъ искусствомъ направляемое шагъ за шагомъ къ конечной цѣли разговора, къ сознательному и отчетливому общему опредѣленію предмета, органически сочлененному съ своими частями, выборъ многочисленныхъ, превосходныхъ, самыхъ ясныхъ и потому самыхъ сильныхъ примѣровъ, индуктивно ведущихъ къ синтетическому или дедуктивному выводу, — этотъ не прямой, докторальный, но, такъ-сказать, обо-

лицею частныхъ сторонъ идущій путь, какимъ онъ велъ слушателей къ какой-либо общей идеѣ, которой никто изъ собесѣдниковъ не предполагалъ; и эта рѣзкая, неожиданная остановка вопросовъ, когда уже разговоръ видимо приближался къ общему положительному или отрицательному выводу, весь этотъ великій и трудный умственный процессъ, освѣжаемый неистощимымъ запасомъ высокаго юмора, горячаго сочувствія и энергической помощи мучающемуся въ этихъ умственныхъ родахъ (говоря словами Сократа),—все это составляетъ такія черты глубоко-педагогическаго характера Сократова обученія, которыя доселѣ дѣлаютъ его образцомъ въ педагогическомъ методѣ. Но изложенный методъ обученія вполне согласуется и съ естественнымъ процессомъ умственнаго развитія. Для того, чтобъ овладѣть въ сознаніи какою-либо общою идеею, необходимо обзрѣть послѣдовательно цѣлый рядъ фактовъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ органически возникаетъ эта идея. Каждое общее отвлеченное понятіе предполагаетъ конкретно-частныя понятія, изъ которыхъ оно составлено путемъ отвлеченія. Развитие ума состоитъ въ усвоеніи этихъ понятій; а для дѣйствительнаго усвоенія ихъ необходимо, чтобъ умъ приобрѣлъ ихъ нормальнымъ порядкомъ, то-есть необходимы сперва частныя примѣры, конкретныя факты, а потомъ уже слѣдуютъ общія идеи, отвлеченныя опредѣленія и правила, какъ выводы изъ нихъ, или обобщенныя представленія дѣйствительностей. Современное рациональное педагогическое искусство во всѣхъ своихъ частностяхъ начинаетъ сообразоваться съ этимъ естественнымъ методомъ или закономъ умственнаго развитія. Такъ, старый школьный обычай начинать элементарное изученіе языковъ съ грамматики замѣняется тѣмъ естественнымъ процессомъ, посредствомъ котораго ребенокъ научается говорить, то-есть путемъ упражненія въ языкѣ и посредствомъ наблюденія и сравненія фактовъ языка учащійся доводится до сознанія общихъ законовъ языка, грамматическихъ правилъ. Рациональное педагогическое изученіе ариметики идетъ въ началѣ также путемъ опыта, индуктивнаго наблюденія надъ численными совокупленіями и отношеніями дѣйствительныхъ вещей, а не посредствомъ отвлеченныхъ опредѣленій числа или условныхъ численныхъ формулъ и дѣйствій. Употребленіе географическихъ чертежей, моделей правильныхъ тѣлъ, какъ приготовленіе къ изученію географіи и геометріи, вообще предметныя уроки, суть факты однородныя съ предъидущими, вытекающіе

изъ требованія сообразовать педагогическіе приемы съ естественными законами умственного развитія, съ закономъ движенія мысли отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ рациональному, отъ примѣровъ къ правиламъ.

Привода эти факты современной педагогической практики, Спенсеръ справедливо замѣчаетъ, что одно заучиваніе правилъ даетъ только внѣшній видъ пониманія безъ его сущности, что сообщеніе результата изслѣдованія безъ самаго процесса изслѣдованія ослабляетъ умственные силы.

«Юноша», пишетъ онъ, заучившій правила, теряется, когда выходитъ за предѣлы заученныхъ правилъ, тогда какъ юноша, образованный на надлежащихъ основаніяхъ, рѣшаетъ новую задачу также легко, какъ и старую. Между умомъ правилъ и умомъ принциповъ существуетъ такая же разница, какъ между беспорядочною кучею матеріаловъ и тѣми же матеріалами, организованными въ стройное цѣлое, посредствомъ соединенія отдѣльныхъ частей. Послѣдній изъ этихъ типовъ имѣетъ не одно только то преимущество, что составныя части его лучше связаны, но и то гораздо болѣе важное превосходство, что онъ способенъ къ изслѣдованію, къ независимой мысли, къ открытіямъ, тогда какъ первый бесполезенъ въ этомъ отношеніи. Соединеніе фактовъ въ обобщеніи есть *организация* знанія, а предѣлы, до которыхъ доведена такая организация, составляютъ мѣрило умственного кругозора чловѣка ¹⁾.

Если идея научнаго знанія есть органическое явленіе, если всякое цѣнное знаніе есть строго послѣдовательный выводъ изъ основаній, то усвоеніе умомъ фактовъ само собою становится основаніемъ для наведеній, а послѣднія—дальнѣйшими посылками для выводовъ или дедуктивныхъ заключеній. Только такимъ образомъ пріобрѣтенное знаніе развиваетъ умственные способности и побуждаетъ чловѣка къ дальнѣйшимъ научнымъ изысканіямъ, точно также какъ живой капиталъ, съ каждымъ обращеніемъ постоянно нарастающій, постепенно возвышаетъ основной фондъ до большихъ и большихъ размѣровъ.

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собраніе сочиненій, т. III.

Последнее замѣчаніе о свойствѣ знанія, какъ условіи его цѣнности, приводитъ насъ къ одному изъ важнѣйшихъ руководящихъ основаній Сократова обученія, на которомъ мы особенно настаивали при объясненіи духа его философскаго метода и которое соотвѣтствуетъ самому общему закону духовной организаціи, *закону самобытнаго развитія личности*. Въ указанныя руководительныя начала воспитанія суть только выводы изъ этого общаго закона духовной природы, и, служа его эмпирическими приложеніями, въ то же время испытываются имъ, какъ пробнымъ камнемъ, въ отношеніи ихъ плодотворности для практическаго искусства умственнаго воспитанія. Если наука о человѣческомъ духѣ обобщаетъ свои наблюденія надъ умственнымъ развитіемъ въ общій эмпирическій законъ переходовъ а) отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, р) отъ частнаго или простаго къ сложному и с) отъ эмпирическаго къ отвлеченному рациональному, то осуществленіе этихъ методовъ въ процессѣ самобытнаго развитія умственныхъ силъ и самостоятельнаго приобрѣтенія знаній есть послѣдній критерій согласія этихъ методовъ воспитанія съ естественнымъ методомъ раскрытія природы духа и составляетъ верхъ совершенства педагогическаго искусства. Въ правильномъ проведеніи процесса самообразованія состоитъ самая могущественная особенность Сократова метода, какъ доказываетъ это все, что доселѣ было сказано нами о методѣ его. Сократъ никогда не высказывалъ какой-либо положительной системы, не выражалъ готоваго, рѣшительнаго мнѣнія о предметѣ своего разговора, никогда не бралъ на себя роли учителя, изрекающаго, какъ нѣкій оракулъ, готовые положенія и безспорныя истины, „не вливалъ, по выраженію Платона, истины въ умы слушателей, какъ въ пустой сосудъ“ (Prothag.), но всегда являлся не знающимъ и желающимъ поучиться во взаимной бесѣдѣ съ своими собесѣдниками. Сократъ былъ убѣжденъ, что посредствомъ догматически-сообщаемыхъ толкованій, посредствомъ готоваго матеріала, вѣряемаго памяти, весьма мало можно имѣть успѣха. Духъ долженъ дѣйствовать на духъ посредствомъ свободнаго взаимодѣйствія, въ силу любви къ истинѣ, чтобы родить новыя мысли и живыя истины,—процессъ, который Платонъ, сравнивая съ брачнымъ соединеніемъ, называетъ беременностію, производящею философскую мысль. Сократъ говорилъ, что умъ ищевать истинною. Но духовное рожденіе нуждается въ такомъ же духовномъ способѣ акушерства. Сократъ считалъ своимъ особеннымъ призва-

нѣмъ и ремесломъ обращаться къ такимъ беременнымъ и мучающимся въ родахъ умамъ въ качествѣ повивальной бабки ¹⁾, чтобы помогать имъ въ духовномъ рожденіи и вмѣстѣ въ тѣмъ оцѣнивать тотъ плодъ, который они производятъ на свѣтъ; и если онъ окажется увѣчнымъ и ничего не общающимъ, то бросать его съ жестокостію Спарганской кормилицы. По возрѣнію Сократа, педагогическое руководство учителя въ отношеніи къ ученику должно состоять, какъ уже сказано было, вовсе не въ сообщеніи ему чего-либо прямо готоваго, но въ „добываніи“ истины изъ него самого, чрезъ него самого, въ возбужденіи въ его умѣ жажды знанія, въ облегченіи ему трудной работы самостоятельнаго приобрѣтенія знанія и въ строгой повѣркѣ и оцѣнкѣ приобрѣтеннаго знанія, его разумности и истинности. Смотри на дѣло умственного развитія съ этой точки зрѣнія, Сократъ не только никогда не читалъ лекцій, какъ другіе учителя, не писалъ никакихъ письменныхъ трактатовъ или систематическихъ руководствъ, но выражалъ положительное мнѣніе о недостаточности книгъ для передачи знанія. Здѣсь весьма кстати привести это мнѣніе, сохранный Платономъ въ *Федръ* ²⁾:

„Письмо походить“, говоритъ онъ „на живопись; созданія этой послѣдней очень похожи на живыя существа; но когда вы задаете имъ вопросъ, они хранятъ торжественное молчаніе. То же самое и писанныя рѣчи. Читая ихъ, воображаешь, что въ нихъ есть какой-нибудь смыслъ; но если захочешь поучиться и станешь вопрошать, то на всѣ вопросы онѣ могутъ дать только свой первый отвѣтъ. Написанная рѣчь переходитъ изъ рукъ въ руки, во владѣ-

¹⁾ «Я похожъ на повивальныхъ бабокъ, говаривалъ Сократъ, тѣмъ, что самъ ничего не рождалъ мудраго, и меня многіе упрекали, что я только другихъ все выспрашиваю, самъ же ни о чемъ не даю положительнаго отвѣта; причина этого состоитъ въ томъ, что Божество принуждаетъ меня оказывать только другимъ родильную помощь, самому же мнѣ рождать не суждено. Но всѣ тѣ, которымъ судило Божество входить въ сношеніе со мною, въ началѣ оказывались въ высшей степени невѣжественными, а при постоянномъ воздѣйствіи моемъ оказывали невѣроятные успѣхи. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно вѣрно то, что они собственно отъ меня никогда ничему не научались, только сами открывали въ самихъ себѣ чрезвычайно много прекраснаго... Въ моемъ искусствѣ выше всего то, что оно въ состояніи опредѣлить: суждено ли душѣ юноши родить нѣчто безобразное и ложное, или нѣчто прекрасное и истинное». *Theaeth.* 150. Сл. Сочиненія Платона, въ переводѣ *Карпова*, ч. 4, стр. 392.

²⁾ Сочиненія Платона въ переводѣ *Карпова*, ч. 4, стр. 109—111. Приведенному здѣсь характеристическому мѣсту предшествуетъ чрезвычайно интересная басня о происхожденіи и значеніи письменъ, съ которою не мѣшаетъ ознакомиться каждому педагогу-учителю.

каго рода людямъ, къ понимающимъ ея, и къ не понимающимъ. Она не можетъ сообщить, что слѣдуетъ тѣмъ, къ которымъ идетъ передаваемое. Есть другой родъ рѣчи, гораздо лучшей, гораздо болѣе дѣйствительный, тотъ, который написанъ научнымъ образомъ въ умѣ учащаго; говорю о настоящей и живой рѣчи лица, понимающаго свой предметъ, о рѣчи, которая вписывается въ душу познающаго вмѣстѣ съ знаніемъ и понимаетъ, съ кѣмъ говорить и съ кѣмъ молчать. Рѣшился ли бы разумный домохозяинъ, желающій дожидаться жатвы, посѣять драгоцѣнное для него сѣмя, по наступленіи лѣта, въ садахъ Адониса 1), ради удовольствія видѣть, какъ оно пуститъ ростки и поспѣетъ въ одну недѣлю, развѣ ради правдника сдѣлаетъ это? Если цѣль его серьезна, то онъ употребитъ приемы земледѣльческаго искусства, посѣетъ сѣмя въ должное время и удовольствуется тѣмъ, что пожнетъ жатву въ восьмой мѣсяцъ. Неужели же человекъ, обладающій знаніемъ того, что право, благородно и хорошо, можетъ поступать съ своими сѣменами менѣе осмотрительно; онъ не станетъ сѣять перомъ или черною жидкостью, или (если бросимъ метафору) онъ не будетъ разсыпать эти истины въ рѣчахъ, которыя не въ состояніи раскрыть истину вполне. Онъ рѣшится засѣвать луга письменности, приготовляя и себѣ сокровище замѣтокъ на время забывчивой старости, и всякому идущему тою же дорогой.... Но еще лучше, думаю, поступить, если пользуясь діалектикой и избравъ прѣмчивую душу, насаждаешь и сѣешь въ ней проникнутыя знаніемъ мысли, которыя не безплодны, но заключаютъ въ себѣ сѣмя, а потому будутъ способны осѣменить мыслями и другіе умы“....

Этотъ замѣчательный отрывокъ, имѣя біографическое значеніе, служитъ объясненіемъ педагогическо-философской дѣятельности самого Сократа. Едва ли кто станетъ оспаривать основную мысль его. Мы всѣ знаемъ, что книги и заучиваніе наизусть не могутъ замѣнить живое устное преподаваніе и самостоятельное усвоеніе. Устное преподаваніе имѣетъ то именно преимущество, что не даетъ уму слушателя пребывать въ пассивномъ состояніи, въ которомъ находится

1) Сады Адониса—ящики для резеды (*Льюиса*). Греки въ честь Адониса праздновали восемь дней и къ этому времени засѣвали поля, принадлежащая къ его храму, а въ самый храмъ приносили ящики или вазы съ цвѣтами, которые скоро увядаютъ (резеда), въ знакъ кратковременности земныхъ удовольствій. Отсюда произошла поговорка: *Αδωνίδος κήποι*, *Diction, des cultes religieux.*

умъ читателя или учащагося по книгѣ, потому что преподаватель возбуждаетъ умственную самостоятельность ученика своими вопросами. Вотъ глубокое основаніе методическаго допрашиванія Сократа—это возбужденіе ума слушателей къ процессу самостоятельной работы мышленія, доведеніе его до способности самообразования и самообученія, посредствомъ строго послѣдовательныхъ вопросовъ, связуемыхъ съ отвѣтами слушателя и незамѣтно, но вполне рассчитанно направленныхъ къ главной идеѣ или предмету бесѣды. Такъ какъ весь процессъ діалектическаго раскрытія идеи всегда совершался у Сократа путемъ перехода отъ положеній лучше извѣстныхъ слушателю къ неизвѣстному, отъ простыхъ частныхъ къ сложной ихъ формулѣ или общему выраженію, отъ понятій конкретныхъ къ ихъ обобщенію или отвлеченнымъ идеямъ; то конечный продуктъ изслѣдованія—знаніе, понятіе о предметѣ, или убѣжденіе дѣйствительно пріобрѣтается путемъ *самостоятельнаго* труда, свободнаго изслѣдованія, самооткрытія истины посредствомъ наведенія на это открытіе. Выгоды умственнаго саморазвитія такъ важны и очевидны, что отрицать ихъ никто не думаетъ; педагогами же этотъ процессъ вполне справедливо признается основнымъ принципомъ раціональнаго воспитанія. Но большая часть педагоговъ-практиковъ считаютъ эту великую задачу воспитанія педагогическою утопіей. Опытъ Сократова обученія въ этомъ случаѣ не можетъ, говорятъ, служить образцомъ, потому что Сократъ имѣлъ дѣло съ учениками взрослыми и развитыми.

«Но», какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ 1),—«если посмотреть на познаніе окружающихъ предметовъ, которое ребенокъ пріобрѣтаетъ въ первые годы жизни безъ всякой помощи, если вспомнить, что всякій ребенокъ бываетъ самоучкой въ дѣлѣ роднаго языка, если слѣдить за безпрестанными наблюденіями, изслѣдованіями и выводами, происходящими въ умѣ ребенка, или прислушиваться къ острымъ замѣчаніямъ его о предметахъ, не выходящихъ изъ границъ его способностей; то кто не согласится, что эти самыя способности, если только направить ихъ систематически на предметы, *находящіеся въ одномъ и томъ же ряду*, помогутъ ему ссилить эти предметы безъ посторонней помощи? Необходимость въ постоянныхъ объясненіяхъ происходитъ отъ нашего неискусства, а не отъ глупости ребенка. Мы даемъ ему факты

1) Собр. сочиненій, т. III, стр. 90.

слишкомъ сложные для его пониманія. Такимъ образомъ, давая ему знаніе, котораго онъ не можетъ переварить, мы доводимъ его способности до болѣзненнаго состоянія. А потомъ, когда ребенокъ ничего не можетъ понимать безъ объясненій и становится чисто пассивнымъ приемникомъ нашего обученія, мы заключаемъ, что воспитаніе должно быть ведено именно такимъ путемъ. Сами мы породили безсиліе своимъ методомъ, а говоримъ потомъ, что этотъ методъ необходимъ, потому что существуетъ безсиліе. Ясно поэтому, что опытъ педагоговъ не можетъ быть принятъ за основательное опроверженіе системы саморазвитія. А кто пойметъ это, тотъ пойметъ и то, что мы можемъ безопасно слѣдовать дисциплинѣ природы до самаго конца,—что при искусномъ веденіи образованія, можемъ до зрѣлыхъ лѣтъ сохранить за умомъ способность саморазвитія первыхъ періодовъ дѣтства, и что только этимъ путемъ могутъ явиться высочайшія силы и высочайшая дѣятельность“.

Первый блестящій успѣхъ Песталоцци въ Станцѣ, когда у него не было ни книгъ, ни другихъ пособій обыкновеннаго обученія и когда единственнымъ предметомъ его вниманія было изслѣдованіе, въ какихъ познаніяхъ дѣти его имѣли особенную потребность и какимъ путемъ можно было лучше всего соединить новопріобрѣтаемое знаніе съ тѣмъ, которое они уже имѣли, этотъ блестящій успѣхъ доказываетъ фактически, что и великій опытъ Сократова допрашиванія, добыванія истины самостоятельной работою мысли ученика есть не исключительный опытъ, но образецъ по своему принципу для всякаго разумнаго учителя и, по своему духу, долженъ быть признанъ прототицомъ современнаго рациональнаго воспитывающаго обученія. Чтобы нагляднѣе представить поучительный урокъ въ этомъ отношеніи, приводимъ здѣсь классическій образецъ эвристическаго метода Сократова въ Платоновомъ „Менонѣ“, гдѣ Сократъ ведетъ бесѣду съ не учившимся ничему мальчикомъ, съ нарочитою цѣлю доказать, что способность саморазвитія есть натуральное свойство каждаго ума. Эта бесѣда представляетъ живой опытъ эвристическаго приѣма Сократова обученія, возбуждающаго въ умѣ мальчика, неучившагося геометріи, познаніе геометрическихъ истинъ.

Сократъ. „Скажи мнѣ, мальчикъ, знаешь ли ты, что квадратное пространство таково?“—*Мальчикъ.* Знаю.—„Слѣдовательно, квадратное пространство есть то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре?“—*Да.*—„Значитъ, и эти, проведенныя

по срединѣ, также равны?“—Да.—„Но это пространство не можетъ ли быть болѣе или менѣе?“—Можетъ.—„Итакъ, если бы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ: то сколько футовъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: если бы въ этой сторонѣ было два фута, а съ этой только одинъ, то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?“—Равнялось бы.—„А такъ какъ и эта сторона въ два фута, то цѣлое не равно ли дважды двумъ?“—Равно.—„Слѣдовательно, въ немъ заключается дважды два фута?“—Да.—„А сколько будетъ дважды два фута? Подумай и скажи“.—Четыре, Сократъ.—„Но не можетъ ли быть другого пространства вдвое болѣе этого, и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?“—Можетъ.—„Сколько же въ немъ будетъ футовъ?“—Восемь.—„Но, подумай, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія; въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по скольку?“—Очевидно, вдвое, Сократъ.—„Такъ ты думаешь, что отъ удвоенной линіи произойдетъ двойное пространство?—разумѣю—не такое, которое съ одной стороны длиннѣе, а съ другой короче, но равностороннее кругомъ, какъ вотъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ,—въ восемь футовъ. Такъ тебѣ все еще кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?“—Мнѣ кажется.—„И та линія будетъ двойною въ отношеніи къ этой, такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?“—Да.—„А изъ ней, говоришь, составитя восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?“—Да.—„Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?“—Конечно.—„Но въ этомъ четырехугольницѣ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четыре-футовой?“—Да.—„Сколько же всего: не четырежды ли столько?“—Какъ же иначе?—„Итакъ, четырежды столько составить пространство двойное ли?“—Нѣтъ.—„Во столько же больше?“—Въ четыре раза.—„Слѣдовательно, изъ линіи удвоенной мальчикъ, произойдетъ пространство не двойное, а четверное?“—Правда.—„Потому что четырежды четыре—шестнадцать, не такъ ли?“—Такъ.—„А восьми-футовое пространство произойдетъ отъ какой линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза больше?“—Да.—„Четырехфутовое произошло отъ половины этой?“—Точно.—„Пусть; а восьмифутовое не есть ли двойное въ отношеніи послѣдняго и половинное въ сравненіи съ первымъ?“—Конечно.—

„Слѣдовательно, оно произойдетъ ни изъ большей, или такой линіи, ни изъ меньшей, или такой: не правда ли?“—Кажется, такъ.— „Хорошо; отвѣчай же, какъ тебѣ кажется: одна линія была не въ два ли фута, а другая не въ четыре ли?“—Да.— „Поэтому линія восьмифутаго пространства должна быть больше этой линіи двухфутовой и меньше этой четырехфутовой?“—Должна быть.— „Подумай же, сколь велика она, по твоему мнѣнію?“—Въ три фута.— „А если въ три фута, то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.“—Такъ.— „Но если въ этой сторонѣ три и въ этой три, то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?“—Очевидно.— „А трижды три фута сколько составитъ футовъ?“—Девять.— „Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ?“—Восемь.— „Слѣдовательно пространство восьмифутное, видно, происходитъ не изъ трехфутовой линіи?“—Видно, не изъ трехфутовой.— „Изъ какой же? Попробуй сказать намъ точнѣе, и если не хочешь высчитать, то хотя покажи, сколь велика она должна быть?“—*Незнаю*, Сократъ...— „Но, скажи мнѣ: это пространство не четырехфутное ли? Понимаешь?“—Да.— „И мы можемъ приложить къ нему другое, ему равное?“—Можемъ.— „И третье равное каждому изъ нихъ?“—Да.— „А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углѣ?“—Можно.— „Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?“—Вышло.— „Что же? Это цѣлое пространство во сколько болѣе этого?“—Въ четыре раза.— „Но вѣдь мы должны были получить двойное? Или ты не помнишь?“—Конечно, двойное.— „Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго-нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ этихъ пространствъ на двѣ части?“—Да, разсѣкаетъ.— „Не происходитъ ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?“—Происходитъ.— „Смотри же, какъ велико это пространство? Каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ?“—Пополамъ.— „Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?“—Четыре.— „А сколько въ этомъ?“—Два.— „Но сколько составляютъ дважды четыре?“—Вдвое.— „Значитъ, сколько будетъ футовъ?“—Восемь.— „Отъ какой линіи происходятъ они?“—Отъ этой.— „То-есть, отъ

линіи четырехфутаго пространства, идущей изъ одного угла къ другому?“—Да.— „Такую лінію софисты (ученные) называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если назовемъ ее діаметромъ, отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ, и должно прозойти двойное пространство“.—Безъ сомнѣнія, Сократъ...

„Ну, какъ тебѣ кажется, Менонъ, произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое сужденіе?—Нѣтъ, всѣ его“...

Очевидно, что ходъ всей бесѣды основанъ на принципѣ наглядности. Покойный профессоръ Карповъ совершенно справедливо предполагаетъ, что Сократъ при этомъ, вѣроятно, начертилъ сперва какой-нибудь квадратъ, и предположивъ, что каждая его сторона равняется двумъ футамъ, нашель, что площадь его равна четыремъ футамъ; потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое болѣе этого? Мальчику показалось, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвоилъ стороны и построилъ квадратъ пространствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открылось, что чрезъ удвоеніе сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ, чтобы найти квадратъ, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ во взятомъ квадратѣ діагональ и строитъ новый квадратъ, равняющійся восьми футамъ. (См. соч. Платона, пер. Карпова, ч. II, стр. 176—177, прим, 3).

Педагогическое значеніе принципа саморазвитія, результатомъ котораго должна быть выработка въ ученіи самостоятельнаго образа мыслей и убѣжденій, еще болѣе возвышается влияніемъ его на образованіе самостоятельнаго характера и на просвѣтленіе высшихъ человѣческихъ стремленій и убѣжденій. Твердо встрѣчать трудности и препятствія въ жизни, сохранять равновѣсіе и присутствіе духа при неудачахъ, подчинять свою волю высшимъ и неизмѣннымъ законамъ и дѣламъ Божественнаго міроуправленія, всегда стоять на высотѣ сознанія человѣческаго достоинства и нравственнаго долга,—вотъ высокія черты нравственно-религіознаго характера, которыя вырабатываются Сократовой системой умственнаго самообразованія. Это послѣднее замѣчаніе заставляетъ насъ указать, какъ на нѣкоторый особый руководящій принципъ воспитанія, на положеніе,

составлявшее, какъ замѣчено было выше, центральный пунктъ Сократовой идеологии, именно, что *сила стойкаго нравственнаго образа дѣйствій зависитъ отъ понятій, нормальнымъ и самобытнымъ порядкомъ выработанныхъ и усвоенныхъ разумомъ, понятій о конечныхъ цѣляхъ бытія и жизни, что знаніе есть основа искусства вести себя, основа воспитанія нравственнаго человѣческаго характера, или, говоря языкомъ Сократа, „знаніе есть добродѣтель, а невѣжество—порокъ“*. Въ своемъ мѣстѣ мы уже достаточно ясно развили этотъ общій идеологическій принципъ Сократа; здѣсь же, для доказательства его важности въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго характера, присоединимъ къ сказанному мнѣнія объ этомъ предметѣ двухъ современныхъ мыслителей.

„Такъ какъ сильнѣйшія склонности необразованной человѣческой природы“, говоритъ Милль, „очевидно, сами по себѣ стремятся разъединить человѣчество, а не связать его, едѣлать людей соперниками, а не союзниками, то общественное существованіе возможно только посредствомъ дисциплинированія этихъ болѣе могущественныхъ склонностей, которое состоитъ въ подчиненіи ихъ общей системѣ мнѣній. Степень этого подчиненія есть мѣра полноты общественнаго союза, а свойство общихъ мнѣній опредѣляетъ его родъ. Но для того, чтобы человѣчество сообразовало свои дѣйствія съ извѣстнымъ родомъ мнѣній, эти мнѣнія должны существовать, должны быть имъ признаваемы. Такимъ образомъ состояніе умозрительныхъ способностей, характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляютъ нравственное состояніе общества. Эти заключенія, выведенныя изъ законовъ человѣческой природы, находятся въ совершенномъ согласіи съ общими фактами исторіи. Каждое историческое извѣстное намъ измѣненіе въ состояніи какой-либо части человѣчества было предшествоваемо соотвѣтствующимъ по размѣру измѣненіемъ въ состояніи знаній или въ господствующихъ вѣрованіяхъ. И когда происходила какая-либо общественная великая перемѣна, предвѣстницей ея была перемѣна въ мнѣніяхъ и образѣ мыслей“ 1).

Вокль въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ фактами исторіи доказываетъ эти положенія Милля, признавая знаніе главнѣйшимъ изъ орудій цивилизаціи. Соглашаясь съ этимъ

1) Д.-С. Милль, Сжес. логики, т. II, стр. 508.

положеніемъ историка-философа, мы расходимся вполне съ нимъ въ томъ, что *религія, свойства вѣрованій*, по его мнѣнію, будто-бы не имѣютъ никакого вліянія на состояніе общечеловѣческой цивилизаціи, и что умственный элементъ, развитіе ума, какъ *сумма и свойства знаній*, служатъ *исключительно* мѣрой для опредѣленія прогресса цивилизаціи, представляютъ единственный педагогическій принципъ воспитанія человѣчества. Не входя здѣсь въ неумѣстный споръ о столь обширномъ вопросѣ, сошлѣмся на того же Милля, который признаетъ преобладающими элементами воспитанія человѣчества не только развитіе мышленія, но и *состояніе вѣры*. Политеизмъ, іудейство, Христіанство—каждое изъ этихъ явленій, какъ *primum agens*, полагаетъ Милль, содѣлывало общество тѣмъ, чѣмъ оно было въ каждый послѣдующій періодъ. Можно согласиться съ мнѣніемъ Боуля, только включая въ понятіе объ умственномъ элементѣ не одну сумму и родъ *логическихъ знаній*, но и *свойства вѣрованій* 1) какъ *знанія* истинъ религіозныхъ, не выведенныхъ умомъ, но *открытыхъ и данныхъ* разуму. Великій философъ-педагогъ древности, Сократъ, первый выразившій положеніе, что есть область знанія человѣческаго, и есть область религіозная, божественная, и что послѣдняя должна начинаться тамъ, гдѣ оканчивается первая, глубоко сознавалъ и ясно выражалъ необходимость въ дополненіи первой послѣднею, необходимость вѣры и откровенія для завершенія человѣческой мудрости. Религіозный элементъ, внутренне связанный, какъ мы видѣли, у Сократа съ элементомъ умственнымъ, былъ для него столько же важнымъ началомъ воспитанія моральнаго характера, какъ принципъ умозрительный.

Нѣтъ нужды доказывать, что сказанное объ умственномъ элементѣ (включая въ это понятіе не только развитіе ума, но и область религіозныхъ вѣрованій), какъ о главной основѣ общечеловѣческой цивилизаціи, всецѣло относится и къ воспитанію ребенка, такъ что въ этомъ отношеніи воспитаніе ребенка должно быть въ миниатюрѣ повтореніемъ развитія общечеловѣческаго. Если оба процесса суть однородные процессы развитія и должны согласоваться съ общими законами развитія человѣческой природы, то

1) Д.-С. Милль, „Сист. лог.“, т. II, стр. 509, 518.

они должны согласоваться и между собою. Вѣрный методъ воспитанія есть методъ общечеловѣческаго развитія. Последнее же достигаетъ совершенства по мѣрѣ высоты умственного и *религіознаго* міросозерцанія. Слѣдовательно, нравственное облагороженіе и духовное просвѣтленіе личности человѣческой зависитъ отъ выработки умозрительныхъ истинъ и живаго усвоенія моральныхъ и религіозныхъ идей о конечныхъ цѣляхъ жизни, то высшемъ *благѣ* человѣческомъ, которое состоитъ, по ученію Сократа, въ истинной *добродѣтели*, въ достиженіи блаженства *богоподобнаго* совершенства въ добрѣ.

Заключеніе.

Характеристику Сократа, какъ педагога, мы не можемъ ничѣмъ лучше закончить, какъ слѣдующимъ Платоновскимъ образомъ, въ которомъ художественно схвачены и великолѣпный портретъ Сократа, и обаятельный духъ его бесѣдъ, и возвышенная нравственно-религіозная идея его педагогической миссіи.

На пиршествѣ собралось много знаменитыхъ Аѳинянъ. Они рѣшили сказать панегирики Эросу. Послѣ хвалебныхъ рѣчей, произнесенныхъ Федромъ, Павзаніемъ, врачомъ Эриксимомъ, комикомъ Аристофаномъ и трагикомъ Агаѳономъ, которые разсматривали съ разныхъ сторонъ сущность любви, Сократъ развилъ свой собственный взглядъ на любовь философовъ, какъ на стремленіе знать и творить прекрасное. Любовь—эросъ—это, по глубоко-поэтическому взгляду Сократа, состояніе духовной беременности плодами мудрости и добродѣтели, которыхъ родителями и родовспомогателями бываютъ поэты, художники, философы—вообще воспитатели юношества въ прекрасномъ и добромъ. Родильный плодъ этого духовно-брачнаго соединенія—порожденія ума и сердца, которыми увѣковѣчивается любовь къ прекрасному, обнаруживающаяся стремленіемъ къ истинѣ и добру въ томъ направленіи, которое дано воспитаніемъ. Такимъ образомъ понятіе объ эросѣ возведено Сократомъ къ значенію *идеи воспитанія* и любовь къ прекрасному положена въ основу педагоги. Съ этой педагогической точки зрѣнія Сократъ показываетъ, съ какою постепенностію и послѣдовательностію должно вести дѣтство по пути стремленія къ прекрасному, пока человѣкъ не сдѣлается способнымъ созерцать прекрасное само въ себѣ и въ заключеніе съ истинно пиотическимъ восторгомъ начертываетъ образъ

прекрасно-божественнаго. Должно, говорить онъ, сперва располагать дѣтей къ прекраснымъ тѣламъ и прекраснымъ рѣчамъ; потомъ—направлять взглядъ дѣтей такъ, чтобы душевную красоту они предпочитали тѣлесной и цѣнили ее во всѣхъ духовныхъ занятіяхъ. Но занятія приговываютъ человѣка къ чему-либо одному и дѣлаютъ взглядъ его узкимъ; всякое частное занятіе надобно совершать въ горизонтѣ болѣе обширномъ, чтобы достичь знанія прекраснаго всеобщаго, божественнаго. Это прекрасное по всему, всегда и во всѣхъ прекрасно, и блаженна жизнь того человѣка, который ощутитъ и узритъ эту божественную красоту, потому что тогда онъ будетъ рождать и созерцать не образы только, но самую истину 1).

Въ „Пиршествѣ“ Платона популярное и обще-доступное представленіе объ эросѣ (о любви) Сократъ возвышаетъ до значенія воспитательно-религіознаго. Едва-ли есть во всей классической литературѣ что-нибудь поэтичнѣе и возвышеннѣе этой рѣчи Сократа объ эросѣ (за исключеніемъ рѣчи о томъ же предметѣ въ „Федрѣ“), и въ то же время у Платона едва-ли можно найти что-либо ближе къ чисто Сократовскому воззрѣнію и рельефнѣе по отношенію къ изображенію педагогической дѣятельности Сократа. Вотъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, эта Платоно-Сократовская рѣчь:

„Я скажу рѣчь объ эросѣ, слышанную мною нѣкогда отъ Мантинейки Діотимы.. (Такъ началъ Сократъ свою рѣчь предъ знаменитымъ собесѣдниками на Агатоновомъ пирѣ). „Что такое эросъ? спросилъ я Діотиму.—Это великій гений, Сократъ.—Но какая свойственна ему сила? спросилъ я.—*Истолковывающая* и переносящая къ богамъ человѣческое, а къ людямъ божеское; онъ наполняетъ бездну между тѣми и другими, такъ что имъ связуются всѣ. Черезъ него проходитъ всякое просвѣщеніе и искусство... Онъ въ срединѣ между мудростію и невѣжествомъ. Изъ боговъ никто не философствуетъ, такъ какъ они уже мудры. Точно также не философствуютъ и невѣжды; ибо то то и такко въ невѣществѣ, что не будучи ни прекраснымъ, ни добрымъ, ни умнымъ невѣжда совершенно доволенъ собою, а потому, не думая, что нуждается въ чемъ-либо, онъ и не стремится къ тому, чего не имѣетъ.— Кто же философствуетъ, Діотима, спросилъ я, если и не мудрецы,

1) Sympos. 204—212; въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 139.

и не невѣжды?—Это понятно и ребенку, отвѣчала она, что занимающіе средину между обоими, и что къ нимъ принадлежить эросъ. Вѣдь мудрость стремится къ прекраснѣйшему; а эросъ есть любовь къ красотѣ; стало быть, эросу необходимо любить мудрость—быть философомъ, и философъ долженъ занимать мѣсто между мудрецомъ и невѣждой. Тутъ я сказалъ: пусть такъ, иностранка... Но если эросъ таковъ, то въ чемъ полезенъ онъ людямъ?—Это, Сократъ, сказала она, я и постараюсь теперь раскрыть тебѣ... Эросъ, какъ сказано, есть эросъ прекраснаго. Но я скажу яснѣе, прибавила она. Всѣ люди бременѣютъ, Сократъ, и по тѣлу, и по душѣ, и какъ скоро придетъ природа наша въ извѣстный возрастъ, она желаетъ родить. Родить же можетъ она не въ безобразномъ, но въ прекрасномъ. Это дѣло божественное: бременѣніе и рожденіе въ животномъ смертномъ есть бессмертное. Природа смертная, по возможности старается быть бессмертною, а эта возможность заключается только въ этомъ способѣ—чрезъ рожденіе оставлять молодое вмѣсто стараго. Такимъ образомъ сохраняется все смертное, не въ томъ смыслѣ, будто бы оно всегда было совершенно тождественнымъ, подобно божественному, а въ томъ, что отходящее и состарѣвающееся оставляетъ по себѣ другое новое, каково было само. Вотъ способъ, Сократъ, которымъ смертное дѣлается причастнымъ безсмертія,—какъ тѣло, такъ и все прочее; другой невозможенъ... Кто по душѣ, будучи божественнымъ, бременѣетъ съ молодыхъ лѣтъ, тотъ при наступленіи возраста желаетъ развивать и родить. Какъ бременѣющій, онъ и тѣла любитъ больше прекрасныя, чѣмъ безобразныя, но если притомъ встрѣчаетъ прекрасную, благородную и даровитую душу, то уже очень любитъ то и другое, и къ этому человѣку тотчасъ обращаетъ рѣчь о добродѣтели и о томъ, какимъ долженъ быть добрый человѣкъ, чѣмъ слѣдуетъ заниматься и начинать его образованіе. Входя въ связь съ прекраснымъ и бесѣдуя съ нимъ, онъ, думаю, развиваетъ и рождаетъ то, чѣмъ давно бременѣлъ,—мыслить о прекрасномъ и вмѣстѣ воспитываетъ рожденное, чтобы взаимное общеніе ихъ получило еще болѣе силу, и дружба сдѣлалась еще тверже, чѣмъ чрезъ рожденіе обыкновенныхъ дѣтей, такъ какъ они обобщились въ дѣтяхъ прекраснѣйшихъ и вполне бессмертныхъ... Вотъ эротическая наука, въ которую я посвящаю, тебя, Сократъ. А ты старайся слѣдовать за мною. Идущій, говорить, правильно по этому пути, долженъ съ юности

начать свое шествіе, и если руководитель руководствуетъ вѣрно, то сперва любить онъ одно (прекрасное) тѣло и здѣсь рождаетъ прекрасное въ какомъ-нибудь одномъ тѣлѣ сродно съ прекраснымъ въ другомъ, и какъ скоро надобно преслѣдовать прекрасное родовое, то было бы великимъ безуміемъ не почитать его однимъ и тѣмъ же во всѣхъ тѣлахъ,—онъ долженъ любить всѣ прекрасныя тѣла, а ту сильную любовь къ одному ослабить. Послѣ сего слѣдуетъ ему прекрасное въ душахъ цѣнить выше, чѣмъ прекрасное въ тѣлѣ, такъ что, если бы кто по душѣ благонравный, имѣлъ лицо малоцвѣтущее, и этого довольно, чтобы любить его, заботиться о немъ и стараться рождать въ немъ такія мысли, которыя дѣлаютъ юношей лучшими. Такимъ образомъ онъ будетъ созерцать прекрасное въ занятіяхъ, какъ сродное себѣ, а красоту тѣлесную уже презирать. Отъ занятій ему надобно возводить любимца къ знаніямъ, чтобы послѣдній испыталъ красоту познаній, и смотря уже на прекрасное многообразное, не любилъ болѣе красоты въ одномъ прекрасномъ человѣкѣ или занятіи, будто рабъ, чтобы, служа ему, не сдѣлаться ограниченнымъ или мелочнымъ, но обратившись къ обширному строю красоты и созерцая различныя, прекрасныя и величественныя рѣчи, порождалъ мысли въ нѣдрѣхъ независтливой философіи, пока уквѣпившись въ этомъ, не усмотритъ такого единого знанія, которое есть знаніе прекраснаго самого въ себѣ. Постарайся теперь, говорить, слушать меня со всѣмъ вниманіемъ, съ какимъ только можешь. Кто возведенъ до этой степени послѣдовательнаго и вѣрнаго созерцанія красоты, тотъ, приближаясь уже къ концу, вдругъ узритъ нѣкоторое дивное по природѣ прекрасное,—то самое, Сократъ, ради котораго предпринимаемы были всѣ прежніе труды. Вопервыхъ, оно всегда существуетъ и ни рождается, ни погибаетъ, ни увеличивается, ни оскудѣваетъ; потому оно не таково, что по одному прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другаго безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно... Всѣ прочія прекрасныя вещи приходятъ въ общеніе съ нимъ но такъ, что когда они рождаются и уничтожаются, оно не дѣлается ни болѣе, ни менѣе и ничего не терпитъ. И такъ, кто чрезъ правильную любовь гдѣ-нибудь началъ бы созерцать то прекрасное, тотъ достигъ бы самой цѣли. Ибо правильное шествіе, или водительство (педагогія) со стороны другаго къ предметамъ эротическимъ въ томъ

и состоитъ, чтобы, начавъ съ тѣхъ прекрасныхъ вещей, всегда подниматься выше, какъ бы по лѣстницѣ, отъ одного къ двумъ, отъ двухъ ко всемъ прекраснымъ тѣламъ, отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ душамъ и занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ знаніямъ съ цѣлю перейти къ той наукѣ, которая есть наука самаго прекраснаго и такимъ образомъ совершенно узнать, что есть прекрасное. Тогда-то жизнь, любезный Сократъ, болѣе, чѣмъ когда, бываетъ полна въ человѣкѣ, созерцающемъ само прекрасное... Если бы кому досталось узрѣть само прекрасное, истинное, чистое, не оскверненное человѣческою страстію, узрѣть само божественно прекрасное: думаешь ли, что худа была бы жизнь человѣка, созерцающаго то и обращающагося съ тѣмъ, съ чѣмъ должно? Не ясно ли, что тогда ему одному, созерцающему красоту, чѣмъ можно созерцать, возможно бы было рождать не образы добродѣтели, а истинное, такъ какъ онъ созерцалъ истину? Рождая же и воспитывая добродѣтель истинную, не сдѣлался ли бы онъ любезнымъ Богу и безсмертнымъ больше, чѣмъ кто другой изъ людей?..

„Вотъ что говорила Диотима, а я вѣрю и стараюсь увѣрять другихъ, что лучшаго, чѣмъ эросъ, помощника человѣческой природѣ имѣть нельзя. Поэтому утверждаю, что эроса долженъ чтить каждый, и самъ я чту его, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ...“

Когда послѣ этой рѣчи Сократа завязался между собесѣдниками разговоръ о ней, въ комнату вошелъ молодой, уже знаменитый Алкивиадъ съ своими друзьями. Онъ принялъ участіе въ пиршествѣ и долженъ былъ также говорить похвальное слово эросу; но вмѣсто того онъ выразилъ желаніе сказать похвальное слово Сократу.

„Я хочу, друзья мои,—такъ началъ Алкивиадъ,—говорить похвальную рѣчь Сократу и буду говорить образами затѣмъ, чтобы лучше выразить истину. Итакъ я утверждаю, что Сократъ похожъ на тѣхъ Силеновъ, которые изображаются ваятелями всегда съ флейтами и свирѣлями, которыя если отнять отъ нихъ, то они окажутся божествами, и прежде всего похожъ онъ на сатира Марсія. Я думаю, ты и самъ не станешь отрицать, Сократъ, что твой видъ и наружность напоминаютъ сатировъ. И развѣ ты не великій артистъ? Да, ты—артистъ, и притомъ болѣе чудесный, чѣмъ Мар-

сій. Онъ чаруетъ людей своею игрою на флейтѣ, чаруетъ силою пѣсень своихъ; пѣсни его, кто бы ни игралъ ихъ, по сущности своей остаются чудесными твореніями; по этимъ пѣснямъ можно узнать, въ чьей душѣ есть стремленіе къ божественному, кто полонъ небснаго наитія, такъ какъ сами они божественны. Но ты, Сократъ, выше самого Марсія, потому что такія же чары производишь ты безъ помощи музыкальныхъ инструментовъ. Всѣ мы, когда слушаемъ рѣчь какого-либо оратора, даже самаго искуснаго остаемся, если сказать правду, довольно равнодушны; но если мы слушаемъ тебя, мы бываемъ очарованы и поражены твоею рѣчью, потрясающею наши души. Клянусь вамъ, друзья мои, въ томъ, что много страданій причинили мнѣ рѣчи Сократа, часто и теперь я страдаю отъ нихъ. Когда я слушаю его, сердце мое бьется сильнѣе и слезы текутъ изъ глазъ моихъ; то же самое происходитъ и въ другихъ... Этотъ Марсій часто производитъ на меня дѣйствіе до того сильное, что жизнь, которую я велъ, казалась едва достойною того, чтобы продолжать ее. Онъ заставляетъ меня, друзья мои, сознаться, что я забываю свои собственныя нужды и недостатки, чтобы заняться нуждами Аѳинянъ. Потому-то я затыкаю уши мои, какъ отъ пѣнія сиренъ, чтобы не засидѣться подлѣ него и не состарѣться, слушая его. Этотъ человѣкъ одинъ заставляетъ меня испытывать чувство стыда, котораго во мнѣ никто не подозрѣвалъ; онъ одинъ внушаетъ мнѣ раскаяніе и страхъ, потому что при немъ я чувствую, что не могу отказаться отъ исполненія того, что онъ требуетъ. При видѣ его, я чувствую себя униженнымъ, ибо не исполнилъ того, что призналъ при немъ своимъ долгомъ; и часто, часто я желалъ, чтобы не видать было его между нами. Но случись это, я чувствую, что буду страдать большими муками, такъ что я не знаю, куда мнѣ уйти, или что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ. Вотъ что испытываемъ я и другіе отъ игры этого сатира. Я знаю, что никто изъ васъ не понимаетъ настоящей природы Сократа, но я постараюсь объяснить вамъ ее. Посмотрите, какъ вся жизнь Сократа проходитъ въ изученіи прекраснаго, какъ страстно любить онъ изящное и восхищается изящнымъ, и въ то же время увѣряетъ, что будто онъ совершенно ничего не знаетъ. Развѣ это не похоже на силеновъ? Но это, друзья мои, наружная форма, въ которую онъ облакается, и вы не подозрѣваете, какая мудрость и какая способность прорѣнія скрывается въ немъ.

Не знаю, видѣлъ ли кто изъ васъ божественные образы внутри его, когда онъ открывался. Я видѣлъ ихъ, и они показались мнѣ такъ божественно-прекрасными, что я хотѣлъ бы исполнить все, что пожелалъ бы Сократъ, какъ повелѣніе Бога. Въ Сократѣ несравненно то, что онъ выше всякаго сравненія съ другими людьми; ни среди настоящаго, ни среди прошедшихъ поколѣній нельзя найти человѣка, столь необыкновеннаго и въ самомъ себѣ, и въ своихъ рѣчахъ. Какъ похожи его рѣчи на тѣхъ сатировъ, которыхъ раскроешь; потому что, если станеть кто прислушиваться къ рѣчамъ Сократа, то онѣ сначала покажутся ему крайне смѣшными, фразы и выраженія, употребляемыя имъ, похожи на грубыя складки лица сатировъ. Онъ вѣчно говоритъ о плавильщикахъ, о кожевникахъ, о продавцахъ, такъ что тупой слушатель непременно расхохочется, слыша его. Но человѣкъ, который только внимаетъ въ значеніе его словъ, увидить, что изъ всего, что входитъ въ умъ человѣка, только одни его слова имѣютъ глубокой и убѣдительный смыслъ, что они представляютъ уму безчисленные образы всякаго совершенства, что они направлены къ достиженію важнѣйшихъ цѣлей, къ достиженію того, что долженъ считать божественнымъ всякій человѣкъ, стремящійся къ обладанію прекраснымъ и добрымъ“ 1).

Такимъ образомъ Алкивиадъ изображаетъ Сократа, какъ Сократъ въ своей рѣчи изобразилъ эроса, — изображаетъ не въ идеѣ, но въ идеальномъ типѣ, осуществленномъ личностію Сократа---этого интеллектуальнаго родовспомогателя. Пусть этотъ образъ служить эпизодомъ къ нашему изслѣдованію, въ которомъ мы имѣли цѣлю изобразить Сократа не только какъ индивидуальную историческую личность, достойную безсмертія, но и какъ идеальный типъ цѣлой великой эпохи въ исторіи науки и искусства общечеловѣческаго воспитанія.

Протоіерей Н. Марковъ.

1) Sympos. Платона, См. переводъ Карпова, ч. 4, стр. 212—222. Агаеонъ, по свидѣтельству Аэиней (V, р. 217), въ 4-мъ году 90-й Олимпіады получалъ въ Ликейхъ общественную награду и эту честь праздновалъ двухдневнымъ пиромъ, который и описанъ въ великолѣпнѣйшемъ изъ Платоновыхъ разговоровъ Симпосіонѣ. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 145, примѣчаніе 4.

IV. Секта штундистовъ.

(Очеркъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что штундизмъ есть секта наиболѣе распространенная въ настоящее время на югѣ Россіи. Поэтому, въ видахъ основательнаго знакомства съ этой сектой, было бы весьма желательно подробно прослѣдить исторію ея возникновенія и распространенія. За недостаткомъ необходимаго для этого матеріала, мы не беремъ на себя этой задачи. Но, полагаемъ, не будетъ дѣломъ бесполезнымъ, если мы, на основаніи сообщеній и сужденій о штундизмѣ въ нашей литературѣ, передадимъ хотя нѣкоторыя, болѣе или менѣе важныя свѣдѣнія относительно возникновенія, распространенія, ученія и устройства секты штундистовъ.

Начало штундизма на югѣ Россіи, среди малороссовъ, по мнѣнію болѣе компетентныхъ изслѣдователей, относится къ 1862 году. Мѣстомъ первоначальнаго появленія штундизма была херсонская губернія и именно одесскій уѣздъ. Первоначальнымъ насадителемъ штундизма въ указанной мѣстности былъ реформатскій пасторъ нѣмецкой колоніи Рорбахъ, близъ Одессы, Бонекемперъ. Бонекемперъ былъ сынъ рорбахскаго колониста, получилъ хорошее образованіе за границею, много путешествовалъ, долго жилъ въ Европѣ и Америкѣ, прежде нежели занялъ мѣсто реформатскаго пастора въ своей родной колоніи Рорбахъ. *) Занявши мѣсто пастора на родинѣ, Бонекемперъ увидѣлъ, что обрестіиные русскіе поселяне погружены въ полное невѣжество въ пониманіи самыхъ основныхъ началъ христіанства, что они въ праздничные дни,

*) Церк. Вѣст. 1882 г. № 42.

вмѣсто того, чтобы молиться Богу, пьянствуют; почему онъ, какъ миссіонеръ христіанства, сталъ заботиться о поднятїи ихъ религіознаго образованїя. Съ этой цѣлью малороссамъ ближайшихъ къ его приходу селенїй онъ раздавалъ книжки евангелїя на русскомъ языкѣ, совѣтовалъ читать ихъ собравшись вмѣстѣ, особенно въ праздничные дни, вмѣсто посѣщенїя гульбищъ съ пѣснями и пьянствомъ. Нѣмецкая колонїя Рорбахъ и является первымъ источникомъ штундизма. Отсюда заразились штундизмомъ прежде всего православные поселеніе сосѣднихъ съ названною колонїею селенїй Одесскаго уѣзда—Разнополя, Игнатовки и Основы. Послѣ Одесскаго уѣзда штундизмъ скорѣе всего былъ обнаруженъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, затѣмъ онъ появляется и въ другихъ уѣздахъ Херсонской губерніи—Херсонскомъ, Ананьевскомъ и Вознесенскомъ.

Первоначально секта штундистовъ въ Херсонской губерніи имѣла слѣдующій характеръ: колонисты нѣмцы-протестанты собирались для чтенїя библіи, молитвы и поученїя въ извѣстные часы (die Stunde *), помимо ихъ церковныхъ богослужебныхъ собраний. Живущіе въ сосѣднихъ съ нѣмецкими колонїями селенїяхъ малороссы, а особенно проживавшіе у нѣмецкихъ колонистовъ въ услуженїи, усвоили нѣмецкій языкъ и стали посѣщать штундовыя собранїя нѣмцевъ. По возвращенїи въ свои селенїя и къ своимъ семьямъ, православные малороссы начали устраивать, по образцу нѣмецкихъ,

*) Отъ нѣмецкаго слова die Stunde—часъ секта штундистовъ получила и свое названїе. Названїе это указываетъ на обычай сектантовъ собираться въ извѣстные часы для чтенїя св. писанїя, молитвъ и пѣнія псалмовъ. Но православные крестьяне не понимаютъ значенїя словъ *штунда*, *штундовый* и обратили ихъ въ ругательныя, и потому русскіе штундисты сами не называютъ себя этимъ именемъ, а усвоили себѣ другое названїе—“новообращенное русское братство“.

свои собранія для чтенія евангелія, но въ то же время не удалялись отъ православной церкви и священниковъ, исполняли все таинства и обряды. Въ этомъ первоначальномъ видѣ секту южно-русскихъ штундистовъ отождествляютъ съ протестантскимъ піэтизмомъ. *)

Съ 70-хъ годовъ начинается новый періодъ въ исторіи развитія секты южно-русскихъ штундистовъ. Съ этого времени штундисты поддаются влиянію нѣмецкихъ анабаптистовъ **); подобно этимъ послѣднимъ, они, при принятіи въ свою секту, переkreщиваютъ взрослыхъ, для чего у нихъ являются свои пресвитеры, совершающіе обряды крещенія въ рѣкахъ и источникахъ. Первымъ мѣстомъ открытаго проявленія анабаптизма среди южно-русскихъ штундистовъ была деревня Карловка, елизаветградскаго уѣзда, а пресвитеромъ, совер-

*) Піэтистическое направленіе развилось въ протестанствѣ въ противоположность догматическому направленію, выражавшемуся въ жаркихъ, но почти безплодныхъ для жизни преніяхъ объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ. Придавая слишкомъ малое значеніе формуламъ и опредѣленіямъ вѣры, не признавая догматовъ вѣры безусловно необходимыми для спасенія человѣка, піэтисты полагали сущность христіанства въ дѣятельной христіанской жизни, въ благочестіи сердца. Для этой цѣли они устраивали свои собранія, въ которыхъ читалась и объяснялась библія для нравственнаго воспитанія и образованія благочестивыхъ чувствъ. Представителемъ піэтистическаго направленія въ протестанствѣ былъ Шпенеръ (1635—1705 г.).

**) Секта анабаптистовъ (перекрещенцовъ) возникла въ Германіи въ XVI в., одновременно съ реформаціею Лютера. Анабаптисты были крайними противниками современнаго имъ строя государственной и церковной жизни; отрицая власть свѣтскую и духовную, они стремились къ тому, чтобы создать на землѣ *церковь святыхъ*. Глава этой церкви—самъ Богъ; слѣдовательно въ этомъ царствѣ, по мнѣнію анабаптистовъ, не должно быть никакихъ властей; все члены этого царства равные между собою, все—братья. Высшимъ знакомъ принадлежности къ „церкви святыхъ“ служило крещеніе; поэтому анабаптисты требовали перекрещиванія отъ вступавшихъ въ ихъ секту и отвергали крещеніе дѣтей. Впослѣдствіи изъ секты анабаптистовъ возникло болѣе умѣренная по своему направленію секта *меннонитовъ*,

шающимъ баптистскіе обряды, крестьянинъ мѣстечка Любомирки Иванъ Рябошанко. *) Особенностью, отличающею штундистовъ-анабаптистовъ отъ прежнихъ первоначальныхъ послѣдователей протестантскаго піетизма, является отдаленіе ихъ отъ исполненія таинствъ и обрядовъ православной церкви и даже открытое отрицаніе православной церкви и православной іерархіи. Въ то же время секта штундистовъ, подчинившись вліянію анабаптистовъ, начинаетъ быстрое рости и заявляетъ себя открытой и смѣлой пропагандой. Съ этого времени Херсонскіе штундисты образуютъ сплоченныя братскія корпораціи; для лучшаго объединенія разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ братьевъ, они начали устраивать общіе съѣзды, на которыхъ обсуждались и разрѣшались разные дѣла и спорные вопросы.

Изъ Херсонской губерніи штундизмъ перенесенъ былъ и въ другія губерніи. Херсонская губернія имѣетъ важное значеніе для южно-русскаго края, какъ мѣсто, куда отправляются бѣдные крестьяне этого края для заработковъ. Крестьяне эти болышею частію нанимаются у нѣмцевъ, которые въ большинствѣ протестанты (лютеране, кальвинисты, анабаптисты). Нѣмцы-протестанты и занимаются вытравливаніемъ изъ нашего простонародья всего, что есть въ немъ лучшаго, его простой вѣры, его благоговѣйнаго отношенія къ святымъ, его преданности благочестивымъ упражненіямъ, посту, молитвѣ, праздникамъ, уваженія къ авторитету церкви и ея богоучрежденной іерархіи. Попробуйте распросить кого угодно изъ бывшихъ тамъ на службѣ, какъ ему жилось у нѣмца-колониста и вамъ понятво станетъ, какъ русскій крестьянинъ возвращается съ пути православія. Рѣдкій изъ крестьянъ, жив-

*) Церк. Вѣст. 1882 г. № 43.

шихъ у нѣмца-колониста не станетъ рассказывать, какъ приходилось ему либо въ споры вступать съ хозяиномъ, либо слушать сужденія его о нашей православной церкви. Случаевъ къ этому бываетъ весьма много: праздники, посты, крестное знаменіе при молитвѣ предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, молитва вечерняя, утренняя, крестъ на груди, иконы въ домѣ,—все это и тому подобное служить обыкновенно точкою отправления въ разговорахъ о нашей православной вѣрѣ между крестьяниномъ и нѣмцемъ. Наслушавшись всевозможныхъ циническихъ отзвовъ нѣмца о православной церкви и ея обрадахъ, многие естественно иными глазами начинаютъ смотрѣть на обряды православія и возвращаются домой уже значительно охладѣвшими къ вѣрѣ если не совсѣмъ совращенными *).

Въ 1870 году штундизмъ изъ Херсонской губерніи проникъ въ кievскую. Первымъ мѣстомъ штундистской пропаганды здѣсь было село Плоское Таращанскаго уѣзда, а первымъ проповѣдникомъ штундизма здѣсь считается однодворецъ Яковъ Цыбульскій. Проживая въ Херсонской губерніи, Яковъ Цыбульскій часто посѣщалъ брата своего Павла Цыбульскаго, живущаго въ селѣ Плоскомъ, проповѣдывалъ здѣсь свое ученіе и приобрѣлъ горячихъ приверженцевъ въ лицѣ: Павла Цыбульскаго, Тышкевича, Флоринскаго и др **). Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ указанные лица—первые проповѣдники и основатели штундизма въ кievской губерніи, были шляхтичи ***). Но самымъ способнымъ и виднымъ дѣятелемъ въ распространеніи штундизма въ Таращанскомъ уѣздѣ былъ кре-

*) Рус. Вѣст. 1884 г. Мартъ. См. ст. „Штундизмъ“.

**) Пр. Обзор. 1883 авг. См. ст. „по вопросу о „пропагандѣ въ средѣ сектантства“.

***) Рус. Вѣст. 1884 г. Мартъ.

стыянитъ села Чаплинки, Герасимъ Балабанъ *). Съ 1865 г. онъ жилъ въ Херсонской губерніи у вѣмцевъ-колонистовъ и занималъ довольно видное мѣсто въ средѣ Херсонскихъ штундистовъ; въ 1871 году за пропаганду своего ученія былъ присужденъ къ водворенію на своей родинѣ—въ селѣ Чаплинкѣ. Съ прибытіемъ сюда Балабана, развитие штундизма въ тарашанскомъ уѣздѣ принимаетъ значительные размѣры и обнаруживается въ открытой и смѣлой пропагандѣ съ кощунственнымъ отношеніемъ къ православной церкви, съ враждою къ духовенству и православному обществу. Утвердившись въ Тарашанскомъ уѣздѣ (особенно въ селахъ Чаплинкѣ, Шлоскомъ и Косяковѣ), секта штундистовъ распространилась потомъ болѣе или менѣе по всѣмъ уѣздамъ кievской губерніи, за исключеніемъ самаго сѣвернаго, Радомысельскаго, а въ началѣ 1882 года къ удивленію обнаружилась въ самомъ сердцѣ южно-русскаго православія, въ нашемъ священномъ Кіевѣ. Здѣсь и доселѣ, не смотря на всѣ мѣры и духовнаго и свѣтскаго начальства, существуетъ небольшая община штундистовъ, которая свободно отправляетъ свои богослужебныя собранія, привлекающія много любопытныхъ **). Тарашанскіе-ли сектанты первоначально насадили штундизмъ въ другихъ уѣздахъ кievской губерніи, или мѣстные жители, отправлявшіеся на заработки въ Херсонскую губернію, насаждали его смена по возвращеніи на родину, точныхъ указаній на это пока нѣтъ. Несомнѣнно только, что штундисты Кіевской губерніи вообще имѣютъ правильныя сношенія съ штундистами Херсонской губерніи. Несомнѣнно также, что штундисты одного селенія

*) Церк. Вѣст. 1882 г. № 43.

***) Рус. Вѣст. 1884 г. Мартъ.

стараятся распространить свое учение и въ другихъ, соседнихъ селеніяхъ, разсылая для этого своихъ агентовъ.)

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію распространенія штундизма въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ, мы не будемъ говорить о распространеніи штундизма въ другихъ губерніяхъ, потому что не имѣемъ достаточныхъ для этого свѣдѣній. Замѣтимъ только, что секта штундистовъ въ настоящее время существуетъ въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Бессарабской, Екатеринославской и Таврической; въ послѣднее время, говорятъ, она проникла уже въ Могилевскую и Черниговскую губернію. *) Вообще замѣчаютъ, что въ послѣдніе два-три года миссіонерская дѣятельность штундистовъ особенно оживилась. Не ограничиваясь мѣстностями ближайшими къ зараженнымъ центрамъ, руководители штундизма посылаютъ миссіонеровъ въ мѣстности отдаленныя и, по послѣднимъ извѣстіямъ, намѣрены отправить миссію даже въ Сибирь.

Изъ представленнаго очерка распространенія секты штундистовъ на югѣ Россіи видно, что эта секта своимъ возникновеніемъ обязана вліянію протестантской пропаганды. Источникъ малорусскаго штундизма заключается въ протестантскомъ пѣтизмѣ и анабаптизмѣ. Принявъ отъ пѣтистовъ учение о практическомъ христіанствѣ, а отъ анабаптистовъ—обрядовую сторону секты, русскіе штундисты не создали какой-либо особой видовой формы религіознаго разномыслія; самодѣятельность русской мысли здѣсь выразилась только въ своеобразныхъ объясненіяхъ протестантскаго ученія.

*) Рус. Вѣст. 1884 г. Мартъ.

Единственнымъ источникомъ вѣрученія 1) штундисты признаютъ Св. Писаніе, но понимаютъ и объясняютъ его совершенно произвольно, такъ, какъ оно представляется непосредственно уму каждому, «какъ отъ Бога дано и какъ Господь открылъ кому». Поэтому при толкованіи Св. Писанія у штундистовъ весьма часто возникаютъ споры, при чемъ одному и тому же мѣсту Писанія иногда дается совершенно различный смыслъ. Далѣе, протестантскій характеръ секты штундистовъ выражается въ ученіи о таинствахъ и іерархіи.—Крещеніе, по ученію штундистовъ, не есть дѣйствительное очищеніе чловѣка отъ грѣховъ; оно есть только знакъ, символъ покаянія и вѣры крещающагося, символъ очищенія отъ грѣховъ. Духовное возрожденіе чловѣка совершается, по ученію штундистовъ, посредствомъ евангельской проповѣди. Такимъ образомъ пока чловѣкъ путемъ проповѣди и размышленія не достигнетъ сознанія своей грѣховности, крещеніе само по себѣ не будетъ имѣть никакого значенія и будетъ знакомъ ничего не обозначающимъ. На этомъ основаніи штундисты не крестятъ дѣтей: младенецъ не имѣетъ вѣры, а потому, говорятъ они, и крещеніе для него излишне. На этомъ же основаніи, при принятіи въ секту новыхъ лицъ, они перекрещиваютъ взрослыхъ. Обрядъ крещенія у штундистовъ совершается старшимъ братомъ въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ братства; крещеніе происходитъ обыкновенно въ рѣкѣ или источникѣ, по большей части вечеромъ. При этомъ старшій братъ читаетъ предварительно приличныя случаю молитвы, а потомъ каждый новообращенный, поодиначкѣ, входитъ въ воду, а старшій братъ, стоя также въ водѣ, погружаетъ каждое лице

1) Вѣрученіе штундистовъ изложено въ ихъ символической книгѣ „правила вѣрученія новообращеннаго русскаго братства“.

съ произнесениемъ словъ: «властію мнѣ данною крещая тебѣ во имя Господа Іисуса Христа»; присутствующіе при этомъ штундисты поютъ: «елицы во Христа крестистесь» *) Тайнство причащенія признается штундистами въ видѣ таѣ называемаго «преломленія хлѣбовъ» и совершается на основаніи завѣщанія Спасителя: «сіе творите въ мое воспоминаніе» и единственно ради воспоминанія. Въ пресуществленіе Даровъ штундисты не вѣрятъ. Обрядъ преломленія хлѣбовъ у нихъ совершается слѣд. образомъ: въ общемъ молитвенномъ собраніи, послѣ чтенія 1-го посл. къ Коринѣ. гл. II, ст. 23—26, гдѣ говорится объ установленіи таинства причащенія, старшій братъ или вообще старшій изъ штундистовъ беретъ нарочито приготовленный для этого хлѣбъ, разламываетъ его и со словами: «сіе творите въ Мое воспоминаніе» раздаетъ его всѣмъ присутствующимъ въ собраніи. Розданный хлѣбъ събѣдается тутъ-же. Затѣмъ однимъ изъ штундистовъ берется со стола чаша, благословляется и передается другому; тотъ пьетъ изъ нея и передаетъ слѣдующему и такъ далѣе, пока чаша не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ и вновь не возвратится къ тому, который благословилъ ее, изъ рукъ котораго, она вышла. Благословляющій чашу пьетъ изъ нея послѣдній **).

Само собою понятно, что штундисты въ сохранившихся у нихъ подобіяхъ таинствъ крещенія и причащенія не признаютъ таинственнаго дѣйствія благодати. А при отрицаніи этой внутренней стороны таинствъ, таинства естественно въ глазахъ штундистовъ низводятся на степень простаго обряда получаютъ другой смыслъ и другое значеніе, чѣмъ то, какое придаетъ имъ православная Церковь. Поэтому нѣкоторые изъ

*) Церк. Вѣст. 1882 г. № 48.

**) Пр. Обзор. 1881 г. февр. См. ст. „Штундисты“.

штундистовъ позднѣйшаго времени, устраивая изъ своей религіозной жизни всякую обрядность, чтобы быть послѣдовательными, совершенно отвергли крещеніе и преломленіе хлѣбовъ, а также и всѣ другія таинства. Все это одинъ обрядъ, наружный знакъ, говорятъ младоштундисты. *) «Зачѣмъ креститься водою, когда духовный міръ человѣка отъ этого нисколько не измѣнится; человѣкъ будетъ все такимъ же грѣшникомъ, если онъ не измѣнитъ своего поведенія и не покончитъ съ грѣхами. Мало-ли на свѣтѣ такихъ людей, которые крестились въ водѣ и каждый годъ причащались по нѣскольку разъ, но это ихъ нисколько не освобождаетъ отъ грѣховъ и они по прежнему преисполнены пьянства, распутства и всякой мерзости **).

Изъ прочихъ таинствъ штундисты признаютъ только бракъ, но это опять-таки не таинство въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ его православная церковь. Правда, штундисты признаютъ, что бракъ учрежденъ Богомъ, что мужъ долженъ имѣть только одну жену, а жена одного мужа; но такъ какъ благодатной силы Св. Духа, сообщаемой брачующимся въ таинствѣ брака, штундисты не признаютъ, то совершеніе брака у нихъ сводится къ простому обряду. Обрядъ бракосочетанія у штундистовъ въ настоящее время совершается такимъ образомъ: заранѣе условившись на счетъ вступленія въ бракъ, женихъ и невѣста въ общемъ молитвенномъ собраніи заявляютъ о своемъ намѣреніи остальнымъ братьямъ и сестрамъ по духу. Такое заявленіе почти всегда сопровождается чте-

*) Отрицаніе нѣкоторыми штундистами таинствъ и совершенное уничтоженіе такъ называемыхъ „старшихъ братьевъ“ (пресвитеровъ) произвело раздѣленіе русскаго штундизма на двѣ партіи: староштундистовъ и младо-штундистовъ.

**) Пр. Обзор. 1881 г. февр.

ніемъ соотвѣствующихъ случаю мѣствъ изъ Евангелія и словеснымъ поученіемъ. Послѣ того женихъ и невѣста считаются уже мужемъ и женой между остальными сектантами. Таинство елеосвященія и миропомазанія у штундистовъ нѣтъ. Покаяніе, какъ сердечное сокрушеніе человека въ грѣхахъ, штундисты считаютъ положительно необходимымъ. Но покаяніе, какъ таинство, они рѣшительно отвергаютъ; отвергаютъ и необходимость духовника, какъ посредника между кающимся и Христомъ. Священства, какъ таинства, штундисты также не признаютъ. Правда, они имѣютъ нѣкоторое подобіе іерархіи: у нихъ есть пресвитеры, болѣе извѣстные подъ именемъ «старшихъ братьевъ», и діаконы, но это—не іерархическія лица. Они возводятся въ свое званіе не въ силу извѣстнаго акта священодѣйствія, какъ это дѣлается въ православной церкви, а получаютъ свое званіе отъ общины простыхъ людей. Въ настоящее время младштындисты, отрицая крещеніе и преломленіе хлѣба, послѣдовательно пришли не только къ отрицанію авторитета старшихъ братьевъ или пресвитеровъ, но и къ совершенному уничтоженію оныхъ, какъ ненужныхъ—при отсутствіи какихъ бы-то ни было обрядовъ въ сектѣ.

Еще съ большею рѣшительностію штундисты отвергаютъ учрежденія православной церкви, которыя основываются преимущественно на священномъ преданіи какъ-то: почитаніе святыхъ, почитаніе иконъ и мощей святыхъ, вѣста Христова и крестнаго знаменія, а также посты и праздники. Съ особенною ненавистію штундисты относятся къ иконопочитанію: иконы они называютъ идолами, иконопочитаніе—идолопоклонствомъ. Естественно, поэтому, что всякій, вновь обращенный въ штундисты считаетъ своею первою и непремѣнною обя-

занностию — удалить иконы изъ своего жилища. Это удаленіе иконъ часто сопровождается разнаго рода глумленіями надъ ними. Такъ штундисты выкалываютъ священнымъ изображеніямъ глаза, усюжигаютъ иконы вмѣстѣ съ дровами и недогорѣвшіе остатки выбрасываютъ въ соръ, изъ деревянныхъ иконъ дѣлаютъ скамьи для сидѣнья и покрывки для горшковъ, выставляютъ иконы въ огородахъ вмѣсто дугалъ и т. п. *) Вопросъ о значеніи праздниковъ остается еще нерѣшеннымъ у штундистовъ; поэтому некоторые праздники они чтутъ, а другіе отвергаютъ. Такъ, Свѣтлое Воскресенье, Рождество и Христово иждень сошествія Св. Духа на Апостоловъ празднуютъ всѣми безъ исключенія штундистами. Остальные праздники, воза исключеніемъ воскресныхъ дней, всѣми отвергаются. Что же касается воскресныхъ дней, то они одними штундистами празднуются, другими — нѣтъ.

(Продолженіе будетъ).

V. Могила Филарета Гумилевскаго, архіепископа Черниговскаго.

Память Филарета, Черниговскаго архіепископа, чтитъ всякій гражданинъ русскій, всѣ знали его за человека глубокумнаго и высокоученаго іерарха. Въ Черниговъ пр. Филаретъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ 1859 года и послужилъ онъ Епархіи только семь лѣтъ, онъ неутомимо работалъ по улучшенію средствъ для воспитанія дѣтей мѣстнаго духовенства; онъ же первый составилъ замѣчательно интересное описаніе Черниговской Епархіи, началъ издавать Епархіальныя извѣстія, которыя въ теченіи пяти лѣтъ были наполнены преимущественно его статьями, и смерть его застала среди его неутомимыхъ и полезныхъ работъ. Какъ извѣстно, арх. Фила-

*) Пр. Обзор. 1881 г. февр.

реть скончался 9 августа 1866 г. въ г. Конотопѣ тѣло его перевезено было въ Черниговъ, гдѣ и погребено было въ каріемъ Кіевской Митрополіи, Епископомъ Чигиринскимъ, Порфиріемъ Успенскимъ, извѣстнымъ ученымъ, въ усыпальницѣ Троицкой Ильинской обители.

Великолѣпный Троицкій соборъ началъ строиться Архіепископомъ Черниговскимъ, Лазаремъ Барановичемъ въ 1680 г., но освященъ въ 1697 г. при блаженномъ Θεодосіи Углицкомъ. Здѣсь находится чудотворная Ильинская икона Богоматери, чудеса отъ которой описаны были св. Димитріемъ Ростовскимъ, въ его сочиненіи «Руно орошенное» 1683, послѣднее изданіе 1702.

Подъ поломъ Троицкаго собора, насланномъ на сводахъ каменныхъ находится усыпальница, въ коей почиваютъ: Г. И. Милорадовичъ, † 1828, А. П. Милорадовичъ, † 1838, Е. Е. Дорохова, † 1849, Ѳ. П. Свѣчина, † 1866, А. Г. Милорадовичъ, † 1868 и С. А. Казнакова, † 1877 и три архіерея Черниговскихъ: Іракій, † 1765 Викторъ, † 1803 и Филаретъ, † 1866.

Въ церкви до сихъ поръ не было надгробной доски, указывающей о погребеніи знаменитаго іерарха, не смотря на то, что восемнадцать лѣтъ тому назадъ прошло, какъ тѣло почившаго архипастыря было предано землѣ.

Въ нынѣшнемъ году 6 іюня прибита въ Троицкомъ соборѣ доска бронзовая, съ слѣдующею надписью:

«Въ склепѣ подъ спудомъ погребенъ 19 августа 1866 года Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій, сынъ священника Григорія Гумилевскаго, родился Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, въ селѣ Конобѣевѣ 12 октября 1805 года, нареченъ при крещеніи Димитріемъ, скончался въ г. Конотопѣ 9 августа 1866».

Доска сія сооружена усердіемъ его почитателя Свиты Его Величества Генераль Маіора, Графа Григорія Александровича Милорадовича въ 1884 г.

VI. Объявленіе Бр. МИЛЛЕРЪ.

Магазины маслянныхъ скоро-засыхающихъ и сухихъ красокъ. Всѣ принадлежности для живописцевъ. Всѣхъ сортовъ

кисти. Полотно для живописи. Мастика для половъ. Сухія
авварельныя краски. Лаки. Бронзы. Мазь для осей.

Магазинъ: Крещативъ д. Мищенко.

Контора, магазинъ и фабрика: Жилинская ул. собѣтъ. домъ. 41.

Филіалъ подь фирмою: И. К. Филлеръ на Подолѣ, Алек-
сандровская площадь, въ Кіевѣ.

*Цѣны масл. красокъ за пудъ безъ посуды (посуда отдельно
считается).*

	П.	К.
Цинвейсъ бѣлый № 1-й	пудъ	7 —
Цинвейсъ силезск. № 0	"	8 —
Бѣдла № 1-й	"	7 —
" " 2-й	"	6 —
Мѣдянки франц. чист.	пудъ	23 —
Мѣдянки № 1-й	"	12 —
Мѣдянки грунтъ	"	6 —
Охра жел. франц. для половъ	"	5 50
Сѣра № 1-й сѣтл. для крышъ	"	6 50
" " 1-й тем. и стѣнъ	"	6 50
Сурикъ свинц. для крышъ и желѣзн.	"	5 50
" желѣзн. часть	"	5 50
Муміи № 1-й	"	5 50
Бѣлая, желтая, сѣрая, красная	"	4 50
Краска для грунтовокъ	"	8 —
Масло бѣлое для бѣл. красокъ	"	7 —
Масло вареное	"	7 —

По требованіи прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

6—5

Редакторъ, Протоіерей Н. МАРКОВЪ.

Печ. дов.: Цезарь, Кафедральный Протоіерей Григорій Дижоновъ. 21 Іюня
1884 года. Черниговъ. Губернская Типографія.